

John

Джон Фарроу

Ледяное
озеро

Farrow

Ice Lake

Жизнь преступного мира
Северной Америки

Eterna-detective

Эмиль Санк-Марс

Джон Фарроу
Ледяное озеро

«Этерна»

2001

УДК 82.06
ББК 84(7Кан)

Фарроу Д.

Ледяное озеро / Д. Фарроу — «Этерна», 2001 — (Эмиль Санк-Марс)

ISBN 978-5-480-00184-6

Захватывающий психологический триллер из жизни современного Монреаля. Новое расследование знаменитого сыщика Эмиля Санк-Марса, уже знакомого читателям по роману «Ледяной город». Сочетание подлинного реализма повествования с необычайной увлекательностью и непредсказуемыми сюжетными поворотами составляет неповторимый стиль знаменитого канадского писателя Джона Фарроу.

УДК 82.06
ББК 84(7Кан)

ISBN 978-5-480-00184-6

© Фарроу Д., 2001
© Этерна, 2001

Содержание

Лекарства для мертвецов	6
Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	46
Глава 5	50
Глава 6	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джон Фарроу Ледяное озеро

Моей матери на 90-летие

John Farrow.

Ice Lake Conceil des Arts an Canada

Издательство выражает благодарность канадскому Совету по искусству и канадскому Министерству иностранных дел и внешней торговли за финансовую поддержку в издании книги

© John Farrow, 2001

© М. М. Гурвиц, перевод, 2009

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2009

Лекарства для мертвецов

Глава 1

Утопленник в проруби

Воскресенье, 13 февраля 1999 г.

Уютно устроившись в домике для подледной рыбалки на озере Двух Гор, раскинувшемся к северо-западу от Монреаля, сержант-детектив Эмиль Санк-Марс смотрел сквозь покрытое ледяными узорами оконное стекло на подгоняемый попутным ветром красный снегоход, летевший по глади замерзшего озера с востока и разворачивавшийся вдоль широкой береговой полосы. Водителя обнимал за талию ребенок. Оба они, скорее всего, направлялись к тем самым домикам для рыбаков, в одном из которых он ждал незнакомку.

Рыча движком, снегоход веером разбрасывал в стороны пушистый снег.

Подкатив к стоявшим на льду домикам, машина снизила скорость и поехала между ними, аккуратно объезжая выброшенные после Рождества сосновые ветки. Снегоходом управляла женщина, теперь под обтягивающим комбинезоном можно было различить контуры ее тела. И его сюда тоже вызвала женщина. Санк-Марс следил взглядом за лихой наездницей, но она подъехала не к его домику, а остановилась около оранжевой хибарки, где ее дочка тут же спрыгнула с заднего сиденья на лед. Ребенок уже успел отбежать в сторону шагов на десять, когда мать сказала девочке вернуться. Та застыла на месте.

Ухватившись за шлем, девочка стащила его с головы, потрянула каштановыми кудряшками и стала уворачиваться, пока ее мать, не обращая внимания на мороз, голыми руками натягивала ей на голову капюшон и завязывала бантик под покрасневшимся детским подбородком. Когда процедура наконец завершилась, семилетняя озорница со всех ног понеслась к ближайшему домику и постучала в дверь.

Женщина выключила двигатель, взяла связку ключей, выбрала тот, который был ей нужен, и открыла висячий замок на двери своего домика. Эмиль Санк-Марс снова сосредоточился на ловле рыбы.

* * *

Войдя в хижину, женщина бросила оба шлема – свой и ребенка – на койку, потом повесила на веревку перчатки. Она растегнула до пояса комбинезон, вытащила руки из рукавов, и его верхняя часть отвалилась ей за спину, как вторая кожа, не до конца содранная с тела. После этого женщина сняла с печки ведро с рыбешками для наживки, поставила его на пол и стала разводить огонь.

В чугунной печурке она подожгла газету, щепки и небольшие поленья.

От печки повеяло теплом.

Женщина смотрела сквозь окно на белое зимнее пустынное озеро, на льду которого кое-где виднелись снегоходы и поблескивающие на солнце цветные треугольники парусов любителей с ветерком прокатиться по ледяной глади. Ей было где-то за тридцать, она явно не принадлежала к числу женщин, имеющих обыкновение краситься перед дневными прогулками за город. Ее низкий покатый лоб, очертания скул и форма носа, казалось, предполагали крепкое

телосложение, что помимо бремени материнства, должно быть, делало ее привычной к тяжелому труду. Светло-каштановые остриженные волосы прядями спускались на затылок.

Хижина была маленькой и убогой. Ее сколотили из набитых на доски фанерных щитов, окна и двери приволокли сюда, наверное, с какой-то стройки, но здесь было все самое необходимое для жизни – ночной горшок, умывальник, печка, позволявшая что-то приготовить и обогреть домик, матрас, на котором можно было расслабиться и немного отдохнуть. Как и другие стоявшие неподалеку хибарки, хижина была выкрашена остатками кем-то выброшенной краски. Большинство домиков здесь сдавались на день или на выходные, но она сняла себе домик на весь сезон, поэтому у нее тут были вилки с ложками, кастрюли, всякий подручный инструмент, кое-что из одежды, одеяла, игрушки для девочки и, конечно, рыболовные снасти.

Чтобы чем-то заняться, женщина разбила наледь в ведерке для мелкой рыбешки и на холоде насадила наживку на крючок. Потом сдвинула доски, прикрывавшие прорубь. Она была здесь вчера вечером, поэтому прорубь еще не успела сильно заледенеть, и женщина без особого труда пробила лед сначала по окружности, а потом привычными ударами расколола крупные льдины. В царившей полумгле было трудно разглядеть поверхность открывшейся проруби. Глаза женщины еще не привыкли к полумраку хижины, и прорубь виделась ей черным провалом в полу. Но когда она попыталась загнать отколотые в проруби куски льда под ледяную толщу, покрывавшую озеро, ей это почему-то не удалось – что-то мешало, как будто прорубь была забита какими-то всплывшими на поверхность отбросами. Тогда она опустилась на колени, стала вынимать расколотые льдины из воды и класть их на лед под полом хижины.

Ухватившись за последний кусок льда, она не смогла его вытащить – лед замерз на спутанных волосах.

Волосы принадлежали голове, плававшей в проруби лицом вниз.

Позже она не могла объяснить, почему это сделала, почему решила ее вытащить, как будто была уверена, что голова не связана с телом. И только когда до нее это дошло, она несколько раз быстро и глубоко вдохнула, а потом стала громко, пронзительно и прерывисто кричать.

* * *

Эмиль Санк-Марс глубоко задумался, глядя на малюсенькие, блестящие бриллиантками кристаллики, образовавшиеся в верхней части лески его удочки. Все утро напролет он не обращал никакого внимания на напарника – детектива Билла Мэтерза, часто вместо этого поглядывая вверх, туда, где облеплявшие леску льдинки постепенно таяли в чадающем тепле, исходившем от печки. Ему было достаточно чуть дернуть рукой, чтобы они каплями срывались вниз.

Оба городских полицейских, из которых первый был значительно старше второго, почти все утро просидели в домике на льду, согнувшись над выпиленной в толще льда прорубью, в край которой упирались их ботинки. В небольшой чугунной печке потрескивали горящие поленья, согревая хижину изнутри. Вдоль одной ее стенки стояла койка, достаточно длинная, чтобы на ней мог растянуться такой высокий мужчина, как Санк-Марс. У другой стены, ближе к которой сидел Билл Мэтерз, стоял топчан, укороченный ровно настолько, насколько было надо, чтобы распахнуть дверь. Из того места, где соединялись два патрубка печной трубы, просачивалась тоненькая струйка дыма, и каждые десять минут тот или другой мужчина вставал с места и распахивал входную дверь, чтобы проветрить помещение. Врывающийся в дверной проем свежий морозный воздух постоянно мешал им как следует согреться.

Мэтерз сидел, ссутулив плечи, как будто продрог до костей. Он понятия не имел о том, что их сюда занесло. Санк-Марс ничего ему не говорил, а детектив ни за что бы ему не поверил, если б тот сказал, что они приехали на озеро лишь ради сомнительного удовольствия поудить

рыбку. Это занятие не особенно влекло его даже в теплое время года, а насаживать наживку на крючок в зимнюю стужу, когда северо-западный ветер на скорости в двадцать узлов с воем бьется в фанерные стенки их шаткой хибары, стоящей на льду замерзшего озера, и, кажется, вот-вот разнесет в клочья и ее, и их самих вместе с ней, все это виделось ему теперь как бессмысленная глупость, что-то вроде каторжных работ. Он долго ждал, когда напарник все ему выложит начистоту, но терпение его понемногу иссякало.

Молодой детектив уже почти решил призвать Санк-Марса к ответу, но именно в этот миг до них донеслись душераздирающие истошные вопли. Чуть ли не обрадовавшись этим крикам, он первый вскочил на ноги и распахнул дверь, чтобы выяснить, что происходит.

На льду замерзшего озера кричала женщина, звала на помощь полицию. Она выскочила из хижины, поскользнулась и упала, а теперь стояла на четвереньках, забыв натянуть на себя верхнюю часть комбинезона. С помощью такого же ошалевшего соседа она встала на ноги, продолжая во весь голос звать на помощь полицию.

Станным было то, что, шатаясь и скользя, она двигалась в их направлении, как будто знала, где можно было найти стражей порядка.

– Мы вроде как снова на работу вышли, – сухо заметил Мэтерз.

– Здесь не наша юрисдикция, – бросил ему Санк-Марс, уже поднявшийся и вытаскивавший из воды леску, чтобы пойти посмотреть, что там стряслось.

– Вся рыбалка коту под хвост, – сказал Мэтерз.

Перед тем как выйти на лед, мужчинам понадобилось немного времени, чтобы одеться. Со всех сторон к хибарке шли люди, которым не терпелось узнать, что там приключилось. Санк-Марс с Мэтерзом, вынув позолоченные жетоны, прошли через небольшую толпу. При виде их жетонов охваченная ужасом женщина начала приходить в себя.

– Туда идите! – сказала она по-французски. – Быстрее, я вам сейчас все покажу! Там парень какой-то в проруби плавает! Совсем мертвый!

Теперь ее ужас сменился потребностью произвести на начальство впечатление тем невероятным ударом, который ей только что довелось испытать.

Полицейские быстро последовали за ней.

Первым в помещение вошел Билл Мэтерз и присел перед прорубью на корточки.

Санк-Марс бросил взгляд через плечо напарника. Круглая прорубь была частично заполнена водой. В нескольких дюймах от поверхности в воде виднелся человеческий затылок, длинные волосы были кое-где схвачены льдом, лицо было обращено в холодную глубину озера. Мэтерз потянул голову жертвы за волосы и на несколько дюймов приподнял ее над поверхностью воды. Состояние шеи вполне подтвердило предположения Санк-Марса – она была совершенно белая, в местах обледенения кожа шишковато вздулась.

– Проверь там все повнимательнее, – распорядился Санк-Марс.

Мелкая рыбешка, видимо, сорвавшаяся с крючка, на который ее только что насадила женщина, билась об пол. Санк-Марс вынул из кармана складной нож, склонился над льдом и быстрым движением отрезал рыбке голову.

Мэтерз вытащил труп из воды настолько это было возможно. Ему пришлось нагнуться еще ниже, поскольку лед выступал над поверхностью воды фута на два, потом встать на колени, чтобы взглянуть утопленнику в лицо. Оно было раздуто, совершенно белое и обледенелое, глаза покрывала наледь. Во рту и в ноздрях трупа застыл лед, блеснувший в лучах света, отраженного от грязного оконца боковой стенки. Мэтерз опустил тело в воду, не осталось никаких сомнений в том, что человек мертв.

– Надо сделать так, чтоб никто сюда не лез.

Санк-Марс должен был как-то оградить территорию вокруг хижины. Сзади на него напирали любопытные. Он помог женщине натянуть комбинезон и сказал стоявшему рядом мужчине, чтобы тот отвел ее в какую-нибудь другую лачугу. В этот момент подбежала ее дочка и

ткнулась матери в ногу. Казалось, это у них дело обычное – женщина едва заметила, что ребенок ей прилично наподдал. Санк-Марс сказал, чтобы все покинули домик и отошли от двери, но народ отхлынул к окнам и стал пялиться на то, что происходило внутри.

Ему предложили три сотовых телефона, он взял один у высокого грузного мужчины, потом обратился к нему с просьбой еще об одном одолжении:

– Вас не затруднит держать людей подальше от домика? Это будет непросто.

Тот хмыкнул и кивнул головой.

– Спасибо. – Санк-Марс вернулся в хибарку, где детектив Мэтерз споласкивал руки в проруби. – Так что же мы имеем?

Мэтерз пропустил скрученную прочную леску в петли для пуговиц на куртке и рубашке мертвеца, а другой ее конец привязал к ножкам чугунной печки.

– Свалиться он сюда не мог. Его нельзя отсюда вытащить через эту прорубь, предварительно ее не раздолбав.

Голова утопленника занимала почти все пространство проруби. Плечи трупа в нее пройти просто не могли.

– Здесь, наверное, немало мест, где можно свалиться под лед. Беднягу могло сюда прибить течением за несколько миль. Может быть, он ехал на снегоходе и оказался в том месте, где быстрое течение подмыло лед. Хотя в такую погоду это более чем сомнительно.

– Вы бы не хотели, Эмиль, сначала рассмотреть все факты? – Мэтерз энергично растирал замерзшие мокрые руки.

– Какие именно?

– Ваша теория никак не объясняет, откуда у него в голове взялось пулевое отверстие.

Старший полицейский взглянул на младшего. Тот с серьезным видом кивнул, давая понять, что ему не до шуток. Он показал на собственную шею.

– Вошла сюда, вышла спереди. Ниже. Вот тут. – Мэтерз указал на нижнюю часть горла.

Санк-Марс набирал номер на сотовом телефоне.

– Вы звоните в Сюрте дю Кебек?

Как сотрудники муниципальной полиции Монреала, они сейчас были не на своем острове и формально заниматься этим делом не имели права. Расследование связанных с насильственной смертью серьезных преступлений в небольших городках подлежит юрисдикции Сюрте дю Кебек – провинциальной полицейской службе Квебека.

Санк-Марс отрицательно покачал головой, потом попросил у кого-то по телефону дать ему номер отделения полиции в городке Вудрой-Дорион.

– Почему вы решили звонить им? – спросил Мэтерз начальника, как только тот закончил разговор.

– Это их прорубь.

– Это убийство, Эмиль. Им все равно придется передать дело.

– Но они будут в курсе. Начальник полиции маленького городка мог бы оценить, что ему сообщили о происшествии, а потом как-нибудь тоже поделиться новостями. А если мы с ходу передадим это дело в Сюрте, тогда нас наверняка здесь задвинут.

– А нам надо, чтобы нас не задвигали?

– Ты же сам только что сказал, – шепотком ответил Санк-Марс, удивив напарника, – что с рыбалкой у нас облом получился.

Мэтерз дождался, пока Санк-Марс закончит второй разговор по телефону, потом спросил его:

– Эмиль, зачем мы сюда с вами сегодня притащились? Вам что, кто-то на что-то слегка намекнул?

– А сам ты не врубаешься? Мы, Билл, сюда за золотой рыбкой приехали. Вы, англичане, ее называете окунем. Как тебе кажется, если я вместо окуня вдруг поймаю кита, мне что, от него надо отказываться?

Мэтерз никогда наверняка не знал, чего можно ждать от начальника.

– И что теперь?

– Улыбнись. Тебя снимают на камеру.

Молодой человек бросил взгляд в сторону и в замерзшем оконце задней стенки дома увидел видеокамеру, снимавшую помещение с изменением масштаба изображения, причем именно в тот момент оператор крупным планом отснял темную прорубь, в которой мягко покачивался обледеневший труп, потом объектив снова остановился на полицейских.

– Уже сегодня, напарник, – сказал Санк-Марс, – ты станешь героем вечерних новостей.

– Я не поленюсь сбежать за воздушной кукурузой, если вы поставите пиво.

Санк-Марс снова вышел из домика. Хотя тот здоровый малый, которому он поручил держать любопытных на расстоянии, справлялся с взятыми на себя обязательствами, с оператором и еще несколькими неисправимыми любопытствующими ему совладать не удалось. Полицейский поблагодарил мужчину за мобильник, вернул его хозяину, потом отошел в сторону. Здесь детективу было легче дышать, он мог оглядеться, лучше осмотреть место действия, глубже его почувствовать. Ветер резкими порывами гнал в сторону берега вихрившийся снег. Домики рыбаков, в большинстве своем покрашенные в дикие цвета, понемногу дымили трубами на фоне снега и льда, скрашивая своей цветастостью унылую панораму зимнего озера. С другой стороны на крутом берегу стояли в основном новые дома и вытянутый вдоль берега торговый центр, частично скрывавшие старые деревенские усадьбы фермеров, которые еще не успели снести. За несколькими кирпичными многоквартирными домами в конце залива высилось какое-то административное здание – дюжина этажей из стекла и бетона. Оно, наверное, было самым высоким миль на семьдесят к западу. К северу уходила гряда покатых холмов. Такой застывший на морозе пейзаж был свойственен любому большому озеру в ту пору, когда зима диктует свои законы. А на востоке, скрытый от взгляда густыми лесами на другом берегу озера, стоял на реке остров, на котором раскинулся город Монреаль.

Правда, это озеро не было похоже на все другие, не без доли мрачноватой иронии признался себе Санк-Марс. Озеро Двух Гор раскинулось совсем недалеко от его дома, и именно здесь произошло убийство, здесь нашли в воде труп, почти на его заднем дворе. Входило это в его юрисдикцию или нет, убийство, совершенное рядом с прорубью, где он любил ловить рыбу, задело городского полицейского за живое.

Он был известным сыскарем старой школы. Так, по крайней мере, любили его представлять репортеры всех средств массовой информации. Когда сам он задумывался о представителях «старой школы», ему вспоминались полицейские из «Ночного патруля» в те годы, когда Монреаль был одним из крупных центров преступности, – в 1930-е, 1940-е и 1950-е. Этим ребятам ничего не стоило снести бульдозером кирпичную стену, чтобы провести облаву в подпольном борделе, или через окно на крыше ворваться в игорный притон. Они часто вступали в перестрелки с известными в то время бандитами. Ему казалось, что его что-то связывает с теми парнями, потому что он был независим, не укладывался в прокрустово ложе системы, в основе которой лежали слаженная работа коллектива, компьютерный анализ, статистика и последние научные достижения. Ему было привычнее копаться в замыслах преступников, вычислять их хитроумные намерения и заманивать в ловушку, определив, как они себя будут вести в том или другом случае. За долгие годы работы у него сложился собственный подход, к тому же ему очень помогали сведения, которые сливали ему многочисленные проверенные информаторы. Если этого можно было избежать, он старался обходиться без налетов, облав и прыжков с потолка, за ним прочно закрепилась репутация человека, который наносит неожиданный удар после того, как тщательно и скрупулезно расследует все обстоятельства дела.

Со временем он осознал, что слава оказалась для него чем-то вроде одного из рабочих инструментов. Бывало так, что люди, готовые о чем-то рассказать, опасались полицейских с улицы, или преступниками оказывались их соседи, друзья и родственники, и то, чем они никогда не стали бы делиться с другими, им было проще выложить Санк-Марсу просто потому, что им хотелось пообщаться с живой легендой. Разговор со знаменитым сыщиком был для некоторых чем-то особенным, сама мысль о такой возможности придавала им смелости. Многие сослуживцы имели на него зуб за то, что репутация его неизменно крепла, и Санк-Марс сам считал, что отчасти такое положение несправедливо. Когда тебе позарез нужен успех, его иногда ни за какие деньги нельзя купить, а когда ты уже на коне и одержал сотню побед, судьба вдруг раскрывает свой рог изобилия и щедро подбрасывает тебе еще сотню удач. В начале службы ему приходилось нелегко, он двигался к успеху черепашьям шагом. А теперь наводок у него было столько, что он не знал, какую из них сначала разматывать, хотя некоторые оказывались на деле пустышками.

Да, слава полицейского имела свою теневую сторону. Он пытался объяснить сослуживцам, что именно его репутация отнимает массу времени, потому что пустая информация часто стекается к нему как тараканы из щелей, к нему лезут все кому не лень, отрывая от настоящей работы. Но коллеги отметали его доводы как несущественные. Они были готовы поменяться с ним местами в любой день, и Санк-Марс задумался над тем, как бы они отреагировали на этот последний случай. Сегодня женщина, которая позвонила и вытащила его сюда, на этот лед, сама на встречу с ним не пришла, но так случилось, что именно в это время и в этом месте нашли труп. И голос у нее был какой-то таинственный, звучал так, будто его обладательница была неглупой, молодой, слегка скованной. Она где-то выяснила его домашний номер. Словно манила его куда-то, завлекала. Ну что ж, за что боролись, на то и напоролись. Он, как всегда, попал в струю. Чистая удача. Еще одной причиной больше для ненависти сослуживцев.

Вокруг домика на трескучем морозе собрались рыбаки. Они притопывали на льду, похлопывали себя руками, чтобы хоть немного согреться. Людское дыхание клубилось в воздухе, как автомобильные выхлопы в заторе зимней пробки. Людям хотелось поговорить, несмотря на ранний час, они уже приняли для согрева по маленькой и всячески пытались вовлечь полицейского в беседу. Санк-Марс, поглощенный своими мыслями, не шел у них на поводу. К берегу с мигалками подъехали полицейские машины.

«Вот так все и начинается, – мелькнула в голове мысль. – Все как всегда».

Странно, но он никак не мог отделаться от впечатления, что на этот раз все будет по-другому. Сейчас он сам оказался на месте преступления, – почти рядом с соседним домиком, где было найдено тело утопленника, – так что, если посмотреть на это с другой стороны, на самом деле его сюда пригласили, и об этом ему еще придется сказать Мэтерзу. Конечно, Санк-Марс не мог упрекнуть себя в том, что убийца ускользнул у него из-под носа, но вместе с тем полицейский не мог избавиться от ощущения, что этим трупом, найденным, когда он был совсем рядом, кто-то как будто щелкнул его по носу. Поэтому выбор места и времени, не говоря уже о том, что его сюда кто-то пригласил на встречу, превращал это дело из служебного в личное.

* * *

У торгового центра, расположенного где-то в полумиле от места событий, попыхивая сигаретой, нетерпеливо ходила кругами Люси Габриель. Она уже шесть раз прошла от забегаловки, где торговали пончиками и кофе, до своей машины – «хонды-аккорд», а человек, с которым она договорилась здесь встретиться, так и не появлялся. В кафе сидел ее приятель – стройный молодой человек, который тоже, видимо, кого-то ждал, только он держался гораздо спокойнее.

Люси в очередной раз вошла в закусочную и как вихрь подлетела к их столику.

– Ну как тебе это нравится? Энди, наверное, придет прямо туда. – Стоя рядом с приятелем, она старалась говорить шепотом, но от волнения у нее это плохо получалось. – Он уже, должно быть, говорит там с Санк-Марсом! Давай-ка проверим.

– Энди знает, что должен встретиться с нами здесь, Люси. Если он не тут, голову тебе даю на отсечение, что он и не там. – Мужчина отхлебнул глоток горячего шоколада.

– Где же он тогда?

– Вот этого, – с ударением сказал он, – я и не знаю. Если он на озере, я тебе гарантирую, что он хочет, чтобы мы были здесь. И нигде больше. Ладно, Люси, не гоношись. Сядь лучше, согрейся. У тебя зуб на зуб не попадает.

– Так дело не пойдет, – буркнула она и села на стул. – Санк-Марс вечно ждать не будет. И если Энди не объявится...

– ...мы выкроим другое время. Энди не самый надежный парень на планете, да и работает с двух концов на середину. Ты, надеюсь, понимаешь, что я имею в виду.

– Нет, что ты этим хочешь сказать?

В конце концов она и его достала.

– Люси, если Вернер Хонигвакс его поманит пальцем, Энди бросится к нему со всех ног, а встречу с нами, само собой, отложит на потом. Он даже может нас об этом не предупредить. Мне кажется, что-то в этом духе и произошло. Подождем еще полчаса и замнем вопрос для ясности. И еще, Люси...

– Что?

– Кончай кофе глушить. Тебе ведь немного надо, а ты и так на взводе.

– У меня какое-то нехорошее предчувствие.

– Так часто бывает, когда кофе обопьешься. Расслабься.

Она продержалась секунд двадцать, потом выпалила:

– Пойду спущусь на берег. Меня что-то на лед потянуло. Схожу гляну, нет ли там тачки Энди. Это никому не помешает.

Молодой человек вздохнул.

– Вот что я тебе скажу: ты останешься здесь, а я сам туда пойду.

– С чего бы это?

– С того, что тебе нельзя верить. Не успеешь ступить на лед, как зацепишься языком с этой полицейской знаменитостью. А я по-тихому позырю, что там к чему, и стрелой обратно. Или если Энди объявится, подваливайте с ним к озеру, и мы продолжим то, что задумали. Годится?

Она неохотно согласилась на предложенный компромисс. Так хоть что-то могло сдвинуться с мертвой точки.

– Только про кофе не забывай, Люси. И не вздумай со мной спорить.

* * *

Озеро Двух Гор, образовавшееся в месте разлива реки Оттавы, напоминает очертаниями танцующую женщину в широкой развевающейся юбке. В западной его части река течет через плотину электростанции и частично ее огибает, попадая потом в удлиненное русло, чем-то напоминающее шею, потом разливается в стороны и вновь сужается к талии. Само озеро начинается именно здесь, где воды реки образуют как бы широченную юбку, которая миль через семь по течению после воображаемой головы танцовщицы расходится на два рукава, и не без доли воображения их можно себе представить как две ноги. Один из них, который в народе называют Бэк-Ривер, течет мимо Монреаля с севера. Воды второго рукава, пройдя через бурные пороги, впадают в реку Святого Лаврентия, омывая город с юга.

Народа на берегах озера живет немного. Там есть индейская резервация, много яблочных садов, несколько деревень и два небольших городка, а на северном его берегу на большом пространстве раскинулись монастырские земли и большой провинциальный заповедник. По всему южному берегу до восточной оконечности озера, за которым раскинулись возделанные поля, среди деревьев стоят частные дома. Зимой по выходным на лед озера выходят лыжники, многие на снегоходах выезжают к рыболовным домикам не только поудить рыбу – не меньшее удовольствие они получают, когда, пропустив пару стаканчиков, обсуждают с приятелями последние новости.

Начальник полиции городка Вудрой-Дорион приехал в патрульной машине, оставил ее на берегу и спустился по крутому прибрежному склону на лед озера пешком. Даже издали Санк-Марс увидел, что мужчина он крепкий и в отличной форме. Полицейский был широк в груди, для своего возраста, видимо, достаточно силен, шел он размашистой походкой, раскидывая снег по сторонам. Детектив обратил внимание на то, что он оставил машину на берегу. Его «форд» с задним приводом могло занести и на крутом склоне, и на льду озера. Поэтому начальник полиции либо проявил необходимую предосторожность, что свидетельствовало о его опыте и было хорошим знаком, либо был чрезвычайно предусмотрительным, что при его работе составляло просто неопределимое качество.

Санк-Марс вернулся к домику, где оставался Мэтерз с покойником, отчасти потому, что там было теплее, но главным образом в связи с тем, что там его было бы труднее вывести из игры, когда шеф местных стражей порядка возьмется за дело. Как только полицейский вошел, он тут же показал ему свой жетон, чтобы у того и мысли не возникло их оттуда отфутболивать.

– Санк-Марс, – представился он. – Управление муниципальной полиции Монреаля. – Он прекрасно понимал, что это заявление не вызовет восторга у начальника полицейского отделения небольшого городка, а потому сразу решил взять быка за рога. – Мой напарник – детектив Билл Мэтерз.

– Это вы звонили? – спросил вошедший.

– Я.

– Как вы здесь оказались?

– Рыбу ловили. Рядом в домике. У нас выходной.

– Эмиль Санк-Марс? – поинтересовался начальник полиции.

Он был немного моложе Санк-Марса, ему, должно быть, уже стукнуло сорок пять, тон его был грубоватым, что, скорее всего, выдавало его неуверенность в себе. Санк-Марс решил, что допустил промашку. Он рассчитывал увидеть смекалистого полицейского из небольшого городка, который обрадуется возможности раскрыть тяжкое преступление, но теперь подумал, что придется иметь дело с туповатым и амбициозным дальним родственником мэра или его приятелем.

– Да, сэр.

В этот момент он обратил внимание на ведро для наживки с обледенелыми краями. Маленькие рыбки редко плавают в холодной воде, но почему тогда вся вода в ведре не превратилась в лед, если домик еще не прогрелся идущим от печки теплом? Если бы в ведре был лед, он не смог бы так быстро растаять.

Начальник полиции бросил на него пронзительный взгляд и издал странный глухой звук, напоминавший нечто среднее между кашлем и отрыжкой.

– Начальник полиции Жан-Ги Брассер. Это дело – не ваше.

– Разве я вам говорил, что оно наше?

– Вы здесь что-нибудь делали?

– Когда мы сюда вошли, тело лежало на кровати. Для лучшей сохранности мы опустили его в воду.

– Все, что пишут о вас в газетах, для меня гроша ломаного не стоит, так что лучше поменьше умничайте. Все вы, городские полицейские, – продажные твари.

Санк-Марс слышал, как у него за спиной хмыкнул Мэтерз, по достоинству оценив переплет, в который попал начальник.

– А все деревенские полицейские – тупые бараны. Вот мы и обменялись любезностями. И какой в этом смысл? Это преступление вас интересует или нет?

– Им будет заниматься провинциальная полиция.

– Тогда позвоните им. Вам, наверное, нужно, чтобы они вам утерли нос.

– Ладно, приятель, хватит меня заводить. Так что здесь у нас за происшествие?

– Ну, спасибо, что проявили интерес к делу. Здесь подо льдом обнаружили труп. В горле у него – пулевое отверстие.

– Рыбная палочка?

Санк-Марс знал, что так иногда называют утопленников.

– Что-то в этом роде.

Местный полицейский даже не наклонился, чтобы взглянуть на труп. Какое-то время он смотрел на него с высоты своего роста, потом окинул взглядом хижину.

– А как он туда попал? – спросил он.

– Может быть, течением принесло, – предположил Санк-Марс.

– А вы здесь только рыбу ловили? Странное совпадение. И жетон тоже забыли дома оставить. Может быть, у вас и табельное оружие с собой?

– Привычка, – признал Санк-Марс.

У этого малого хоть половина мозгов работала. Детектив по достоинству оценивал немногие его положительные качества.

– А вы? – обратился полицейский к Мэтерзу.

– Жетон – да. Он всегда при мне. А оружия нет. Я рыбу привык ловить на крючок, а не отстреливать.

Мэтерз бросил в сторону Санк-Марса торжествующий взгляд. У него в голове не укладывалось, что напарник просто так взял с собой на рыбалку в выходной служебное оружие.

– Вы знаменитый сыщик, – сделал вывод Брассер. – Как говорят, легенда нашего времени. Вы поехали на рыбалку, прихватив с собой полицейский жетон и пушку, и совсем рядом с вашей удочкой всплывает утопленник. Вот я и думаю: что же вы использовали для наживки? – В двери нарисовались два констебля, начальник полиции приказал им очистить от людей пространство около хижины и никого туда не пускать. Потом он снова обратился к Санк-Марсу: – Так вы вроде говорили, что звонили в провинциальную полицию, или мне показалось?

– Я думал, вы сами захотите это сделать.

– Это их дело, приятель. Коронер¹ в любом случае распорядится передать дело им.

– Но вы будете в нем участвовать.

– На это можете не рассчитывать. С провинциальной полицией такие вещи не проходят. Но наверняка я уверен в одном – вас к этому делу не подпустят.

– Я оказался поблизости случайно. И вовсе не собираюсь оспаривать вашу юрисдикцию.

– Что вам еще известно? – спросил его полицейский.

– Что, простите?

– Об этом деле.

– Я очистил помещение от гражданских лиц и вызвал полицию. Этим мое вмешательство и ограничилось.

– Но отсюда пулевое отверстие вы разглядеть не могли, – резонно заметил начальник полиции.

¹ Коронер – следователь, ведущий дела о насильственной или скоропостижной смерти.

– Это я его обнаружил, – вмешался в разговор Мэтерз.

– Тело или пулевое отверстие?

– Отверстие. Пуля вошла со стороны шеи, оно было закрыто волосами. А вышла в нижней части горла.

– Да плевать я на это хотел, какое мне до этого дело? Скажите об этом провинциальной полиции, если вас спросят.

– Нам казалось, вас может заинтересовать убийство, которое произошло у вас под носом, – перебил полицейского Санк-Марс. – Ошибочка вышла. Вам бы, наверное, лучше контролером на транспорте работать или штрафовать владельцев собак, которые гадят на тротуарах.

– Не надо со мной в таком тоне разговаривать. Со мной такие шутки не проходят. Я вас уже один раз предупредил.

– Да, сдаётся мне, мы отвлекли вас от исследования собачьего дерьма.

Начальник полиции осклабился, потом подошел к Санк-Марсу вплотную, его макушка оказалась где-то на уровне носа детектива.

– Вы меня не интересуете, Санк-Марс. И ваше мнение здесь, на моей земле, меня не интересует. Вам нужна реклама? Вам хочется красоваться на страницах газетных передовиц? Отправляйтесь тогда обратно в свой город, а здесь вам вынюхивать нечего.

– Я здесь живу. И, кроме того, я гражданин.

– Вы, Санк-Марс, телевизионный полицейский. Я таких знаю.

– Вы ведь сами раньше служили в криминальной полиции, или я не прав? В чем же дело? Или меня в должности повысили, а вас обошли?

– Вас что, интересует только повышение по службе? Я – начальник полиции. А вы – дерьмовый сержант-детектив.

– Как же вы эту должность получили, если вас с работы выгоняли? Вы на ком женились? Брассер сунул обе руки между ног и потряс своими причиндалами.

– Вот вам! – ответил он.

– Лучше позвоните в провинциальную полицию.

– Вы думаете, я не знаю, почему вы мне позвонили? Вам хотелось, чтобы я здесь был при вас кем-то вроде мальчика на побегушках из провинциального городка. Конечно, я позвоню в провинциальную полицию. Только им на вас наплевать еще в большей степени, чем мне.

Санк-Марс попытался расслабиться, хотя его так и подбивало от души звездануть этому полицейскому.

– Послушайте меня. Я приехал сюда на рыбалку. Закричала женщина. Мы зашли в домик. Там в проруби под досками пола обнаружили тело. Я – гражданин и связался с полицией. Что вам здесь непонятно?

Если местный полицейский хотел его достать, ему это почти удалось.

– Вы правы, я служил в криминальной полиции, поэтому знаю, какими методами действуют такие типы, как вы, – бросил ему в ответ местный блюститель порядка, не ответив на заданный вопрос. – Каждое ваше слово на треть – вранье и на две трети дерьмо. Им от вас сейчас так и разит.

Санк-Марс уставился на полицейского, который настолько грубо пытался скрыть свое раздражение. Ему доводилось видеть вещи пострашнее, но когда мужчины в такой жалкой форме выражали свое недовольство, жалуясь на службу – кем бы они ни работали, – он никогда не испытывал к ним сострадания. Он уже очень давно перестал обращать внимание на полицейских, которые ему завидовали, эти люди его перестали волновать.

– Простите, что прервал ваш воскресный сон. Я так понимаю, наше присутствие мешает вам нормально исполнять ваши обязанности. Почему бы вам просто не позвонить в провинциальную полицию, пока тело не начало разлагаться?

– Я без ваших советов знаю, куда мне звонить.

Под его теплой зимней курткой была еще одна, кожаная, а под ней к рубашке был припилен микрофон. Он постучал по нему и связался с участком – голос полицейского усиливался передатчиком, установленным в патрульной машине. Он велел подчиненному, чтобы тот передал новость в провинциальную полицию.

Только после этого начальник полиции опустил на колени над прорубью. Он вытянул голову за волосы из воды и стал внимательно разглядывать лицо.

– Он оттаивает, – заметил Мэтерз.

– Что?

– Когда я впервые его осматривал, лицо, как мне показалось, было заморожено сильнее. Лед выступал из ноздрей, а теперь его там нет. В домике, видимо, становится теплее.

– Это не ваша территория, и вы к этому делу не имеете отношения, – напомнил им местный начальник полиции. – Почему бы вам двоим отсюда не убраться?

Санк-Марс кивнул.

– Уже уйду.

– Только не далеко. Не уезжайте с озера, пока вас не допросят полицейские из Сюрте дю Кебек.

Санк-Марс бодро зашагал по снегу к своему домику. Он не смотрел по сторонам, не отвечал на вопросы тех, кто стоял на льду в ожидании новостей. Мэтерз пытался его догнать, опасаясь, что, если этого не сделает, дверь захлопнется перед самым его носом.

– Так что, мы должны здесь остаться, как он нам сказал? – спросил в домике Мэтерз. Приказ старшего по званию не имел для его непосредственного начальника никакого значения. Поскольку отдавший приказ полицейский служил в другом управлении, его распоряжение не было для них обязательным к исполнению.

– Мы остаемся, Билл. Пусть это будет ему уроком. А ты отмечай все эпизоды, в которых на этот раз напортачит провинциальная полиция. – Он замолчал и пристально посмотрел на Мэтерза. Когда Санк-Марс снова заговорил, голос его звучал тише: – Я должен тебе кое-что сказать, напарник. В пятницу мне позвонили, посоветовали сегодня утром снять домик для рыбалки на этом озере и ждать там встречи. Кто-то должен был мне кое-что сообщить. Единственное, что я знаю, – звонила женщина. Но кто бы это ни был, он знает, что я иногда приезжаю сюда на рыбалку, и этого было вполне достаточно, чтобы меня заинтриговать. Я тебе не говорил об этом раньше, потому что у меня были на то свои причины. Во-первых, это могла быть просто чья-то дурацкая шутка. Мне не хотелось, чтобы ты попусту дергался, поэтому я рассчитывал занять тебя рыбалкой. Кроме того, я дал слово никому об этом звонке не рассказывать. То есть я хочу сказать, что нам здесь надо будет еще какое-то время покрутиться, чтобы выяснить, не объявится ли женщина, которая мне звонила, или еще кто-нибудь. Было бы совсем неплохо, если бы она дала о себе знать после всей этой заварухи. Ну, а если нет, мы сможем себе сказать, что не зря провели здесь время.

– Может быть, вам уже передали всю информацию?

– Что ты хочешь этим сказать?

Билл Мэтерз неопределенно кивнул в сторону места преступления.

– Не знаю, возможно, ты прав, – допустил Санк-Марс.

– Хорошо, я останусь, но с одним условием, – выдвинул требование Мэтерз.

– С каким?

– Хватит с меня этой чертовой рыбалки. Я уже использовал свою последнюю наживку.

* * *

Высоко подняв воротник, Люси Габриель стояла и ждала своего приятеля около торгового центра на пронизывающем холоде. Когда тот вернулся, от его спокойствия и собранности не осталось и следа.

– В чем дело? – спросила она.

– Там на льду что-то стряслось.

– Что именно?

– Кто-то умер. Ты ведь знаешь, как это бывает, когда какой-нибудь старый пенек накачается до потери пульса, а потом отключится и замерзнет, когда огонь в печке погаснет. Или поймает огромную рыбину и от радости получит инфаркт. Такое здесь иногда случается. Как бы то ни было, там сейчас слишком много народа, и встретиться сегодня с Санк-Марсом у нас не получится.

Люси постукивала одной ногой по другой, чтобы хоть чуть-чуть согреться.

– Нам надо выяснить, что там стряслось, тебе не кажется? Там Камилла...

– Нет, вдвоем нам не надо этим заниматься. Я сделаю это сам. А ты, Люси, шла бы домой.

Я позже с тобой созвонюсь.

– Не надо, – ответила она, – еще не вечер. Я сейчас поеду в город.

– Что ты там собираешься делать?

– Поддам слегка, повеселюсь, с людьми душу отведу.

– Я, Люси, тебя предупреждал. Ты от кофе шалеешь.

– Это я от ситуации ошалела. Не бери в голову. Позже поболтаем.

* * *

Сержант-детектив Эмиль Санк-Марс сидел в задумчивости, стиснув зубы, пока Билл Мэтерз колдовал над печкой. Он обнаружил, что, если горевшие поленья передвинуть к одной стенке, в хижине будет меньше дыма и дышать станет легче. Возня с печуркой помогала ему коротать время.

Когда приехала провинциальная полиция, Санк-Марс даже не потрудился выйти из домика, чтобы поприветствовать ее представителей.

– Что за форма у них дурацкая такая? – Он с неодобрением кивнул в сторону приехавших, наблюдая за ними из замерзшего окошка. – Кому взбрело в голову одеть их в коричневые рубашки? Неужели у этих болванов мозгов не хватило задуматься, что это значит?

– Мне кажется, они должны быть у них зелеными, – сказал Мэтерз, надеясь охладить гнев начальника.

– Скажешь тоже – зеленые! Разве они должны заниматься охраной окружающей среды? Спаси нас, Господи, если это так. Форма полицейских должна быть синей. Настоящего синего цвета. А эти парни выглядят как дерьмо на лугу.

Санк-Марс улегся на топчан и пожалел, что бросил курить. С тех пор как он в последний раз затянулся, прошло двенадцать лет, причем эти годы не прошли, а пролетели, будто промелькнули в мгновение ока. Его никто от курения не отваживал, никто не внушал ему отвращения к табачному дыму. Порой ему сильно хотелось курить – не потому, что нравился запах табачного дыма, очень хотелось затянуться или произвести на кого-то впечатление, а просто чтобы как-то скоротать эти часы вынужденного ожидания, хоть чем-то заняться, а не сидеть сиднем и маяться дурью.

Оба мужчины вздрогнули от неожиданности, когда раздался резкий стук в дверь. Она тут же распахнулась, хотя стучавших никто не пригласил войти.

– Сюрте, – представился им вошедший полицейский.

– Как будто мы по форме не догадались, – пробурчал Санк-Марс.

Мэтерз в свою очередь тоже показал ему свой жетон, и молодой полицейский вошел в помещение вместе со вторым, у которого еще, казалось, молоко на губах не обсохло. Когда им сказали, кто перед ними, они всем своим видом постарались показать, что это им до лампочки. Провинциальные полицейские ясно дали понять, что относятся к своим коллегам из муниципальной полиции как к назойливым и надоевшим им гражданским.

– Мы записываем имена всех здесь находящихся, а потом их отпускаем.

– Отпускаете?

– Отправляем их по домам. Очищаем место преступления. Вы – Санк-Марс?

– Рад с вами встретиться. Мой напарник – Билл Мэтерз. Кто у вас проводит расследование?

– Сержант Пеншо. Он только что подъехал. Вы его знаете?

Санк-Марс покачал головой и, отвечая на вопрос, дал номера своих телефонов. Мэтерз последовал его примеру.

– Хорошо, – сказал тот, который был чуть постарше, – теперь можете идти.

– Я останусь.

Полицейский был худой, почти тощий, стоял прямо, как штырь. Его коротенькие усики торпорзились под стать густым бровям. Он заполнял формуляр карандашом, который держал в левой руке, и чуть нагнулся, чтобы лучше разглядеть, что пишет. Услышав ответ, он слегка оторопел.

– Вообще-то я не знаю... Вам не положено. Почему вы хотите остаться?

– Я здесь рыбу ловлю.

– Хорошо, тогда мне надо этот вопрос согласовать.

– Валяй. Только сначала скажи мне, известно ли тебе, что, обращаясь к старшему по званию представителю другой полицейской службы, ты обязан называть его «сэр»? Это – общепринятое правило вежливости. Или тебе об этом не говорили?

– Так точно, сэр, – ответил полицейский, мгновенно опустив блокнот вниз и глядя Санк-Марсу прямо в глаза. – Я не знал об этом, сэр. Для меня это новость, сэр. Я узнаю, сэр, должны ли вы отсюда уехать, хотя, возможно, сержант Пеншо захочет поговорить с вами лично, сэр, чтобы выяснить, что вы делали на месте преступления, сэр. У вас есть другие вопросы, сэр?

Санк-Марс так и сидел на холодном топчане, не меняя позы, только голову поднял и протянул руку ладонью вперед, чтобы унять разговорчивого юнца.

– Еще раз скажешь мне «сэр» таким тоном, я тебя опущу в эту прорубь и сверху ее закрою. Можешь не сомневаться – я это сделаю.

Полицейский счел за благо промолчать, потом повернулся, чтобы уйти.

– Подожди, – сказал ему Санк-Марс.

Расстроенный полицейский и его молчаливый напарник снова повернулись к Санк-Марсу.

– Проверь прорубь.

– Что, простите... – сказал полицейский и, замаявшись, решил добавить: – сэр?

– Прорубь проверь. Здесь и во всех остальных домиках.

Полицейский провел обтянутой кожаной перчаткой рукой по усикам, обдумывая полученное указание.

– Простите, сэр, но я не могу исполнять полученные от вас приказы.

– Прекрасно, – сказал Санк-Марс и резко встал с койки. – Тогда можешь оставаться таким, какой ты есть, – никчемным полицейским Сюрте. Запарывай дальше еще одно расследование. Делай и дальше свою работу бессмысленной. Оставайся тупым болваном, и пусть это будет твоим самым заветным стремлением, а на меня не обращай никакого внимания.

После такой тирады патрульному полицейскому расхотелось уходить из хижины.

– А что там в этой проруби? – спросил он.

– Вот тут-то собака и зарыта. Ты же не знаешь, что там может быть. Так почему бы тебе туда не заглянуть?

Молодой полицейский попытался оценить свои возможности. Он мог тут же слинять с видом оскорбленного достоинства. Мог спокойно уйти и спросить, что ему делать, у кого-нибудь другого. А мог заглянуть в прорубь. Он принял решение быстро смыться.

– А что, если здесь еще один труп плавает? – бросил Санк-Марс ему в спину. – Что, если утопленники здесь мокнут в нескольких прорубях? Что будет, если ты этого не выяснишь? Может быть, тут кто-то устроил резню. Тогда тебе потом, наверное, мало не покажется. Неужели ты не боишься запороть такое громкое дело?

Парнишка развернулся на каблуках. Он, казалось, был уже готов наброситься на своего мучителя, но вместо этого только глубоко вздохнул, прошел мимо него и снял доски пола, закрывавшие прорубь.

Санк-Марс склонился над его плечом.

– Что ты там видишь? – спокойно спросил он.

– Ничего!

– Ничего?

– Прорубь. Снег. Лед. Воду. А больше ничего.

– Вот и хорошо! – Санк-Марс одобрительно похлопал его по плечу. – Теперь ты знаешь, что там внизу. А раньше не знал. Я бы тебе предложил сделать то же самое во всех домиках на этом озере. И если ты ничего не найдешь, то, по крайней мере, получишь удовлетворение от того, что добросовестно сделал свою работу полицейского. А теперь можешь идти. И если кто-нибудь будет тебя спрашивать, скажи, что я здесь остаюсь.

Полицейский смылся так, будто уносил ноги из чистилища. Мэтерз тихонько хмыкнул и покачал головой.

– Что с тобой? – рявкнул на него Санк-Марс.

– Я иногда удивляюсь, как мне удалось выжить, работая вашим младшим напарником.

– Да, Билл, забавно, что ты над этим задумался. Я тоже частенько себе удивляюсь, как тебе это позволил.

Мэтерз рассмеялся, потому что чувствовал себя в относительной безопасности, когда начальник давал разнос кому-то другому. Труба задымила, и он опять занялся печкой, пока Эмиль Санк-Марс, закрыв глаза, делал вид, что пытается вздремнуть. Внезапно снова раздался стук в дверь. Оба мужчины подождали, но на этот раз к ним без приглашения никто врваться не стал.

Санк-Марс распахнул дверь. Вошел другой полицейский в форме провинциальной полиции, равный с ним по чину. Правда, лет ему было не больше, чем Мэтерзу, – где-то тридцать с хвостиком. Он хитровато улыбался, причем только одной стороной губ, но улыбка получалась заразительной и казалась искренней.

– Сержант-детектив Эмиль Санк-Марс? – Мужчина протянул ему руку в перчатке.

Старший полицейский ответил на рукопожатие.

– Это честь для меня, сэр. Я ваш преданный почитатель. Меня зовут Пеншо – сержант Чарльз Пеншо. Я возглавляю расследование этого дела.

– Значит, сейчас вы его ведете.

– Пока да. Можно мне зайти?

Вежливый сержант провинциальной полиции – это было что-то новенькое.

– Проходите, пожалуйста.

Санк-Марс представил ему своего напарника. Мэтерз в уме перевел имя гостя с французского, что значило «горячий хлеб», – так его было проще запомнить.

– Для нас большая удача, что вы оказались рядом с местом преступления, – заявил Пеншо. – Теперь я, по крайней мере, знаю, что там все осталось в порядке. Вы часто приезжаете сюда на рыбалку, сэр?

– Несколько раз в год, – ответил Санк-Марс, окидывая нового посетителя пристальным взглядом. На него произвело впечатление вежливое обращение, удивило умение полицейского вклинивать существенные вопросы в пустой треп, но особенно поразил его рост – таких низеньких полицейских ему еще, пожалуй, видеть не доводилось.

– Ну что, удалось вам уже что-то выудить?

– К сожалению, пока нет.

– Это неудивительно, – заметил Пеншо.

Санк-Марс был слегка озадачен таким поворотом беседы.

– Мне что, сержант, надо обидеться?

Детектив из Сюрте искренне рассмеялся, и Санк-Марс обратил внимание на то, что со ртом у него действительно что-то не в порядке.

– Простите, сэр. Я никак не имел в виду, что вы плохой рыбак. Откуда мне об этом знать? Просто прошлой ночью было полнолуние, а в такую ночь рыба отлично клюет. Вчера, должно быть, почти всю рыбу в заливе и переловили. А сегодня, когда сюда с утра на снегоходах и джипах столько народу понаехало, оставшаяся рыба, наверное, попряталась, чтобы не попасться на крючок.

Санк-Марс не мог не согласиться с таким доводом.

– Вы, наверное, правы, следующий раз надо будет учесть ваше соображение.

– Хотя, знаете, когда идешь на рыбалку, никто заранее не скажет, что клюнет на наживку.

Санк-Марс усмехнулся, решив учесть и это соображение собеседника.

– Сэр, вы сказали моему сотруднику, чтобы он осмотрел все проруби. У вас есть для этого какие-то определенные основания?

Санк-Марс запустил руку себе за воротник и остервенело почесал между лопатками. Из-за теплой одежды, которая на нем была, перепада температур в домике и снаружи и задымленности помещения у него зудело все тело. Кроме того, его слегка раздражало, что допрос вел человек, знающий свое дело.

– Я так понимаю, мне бы надо больше собственными делами заниматься. Как вы знаете, наша юрисдикция на эту территорию не распространяется. Но и в пределах нашей юрисдикции мне бы это дело никто не поручил расследовать, поскольку я работаю не в убийном отделе. Поэтому, думаю, мне лучше в чужие дела нос не совать и зря языком не болтать.

– Нет, сэр, – снова озадачил его полицейский, – мне кажется, вы неправы. Если у вас есть что сказать, мне бы очень хотелось это выслушать. Ваша репутация всем известна, и я был бы последним дураком, если бы решил проигнорировать ваше мнение, хотя сам себя, сержант-детектив, я дураком отнюдь не считаю, несмотря на мнение, которое у вас сложилось о провинциальной полиции.

Санк-Марс посмотрел ему прямо в глаза. Ясно, что он как-то выказал свое отношение, хотя, может быть, это его отношение к коллегам было и без того известно, и он его как-то проявил в отношениях с тем, с кем особенно откровенничать не следовало.

– Хорошо, – согласился он. – Я скажу вам, что думаю по этому поводу.

– Благодарю вас, сержант-детектив.

– Хотя все это только предположения. Фактами я не располагаю.

– Понял.

Санк-Марс уселся на койку, широко расставив ноги и уперев руки в колени.

– Сержант Мэтерз сказал, что выходное пулевое отверстие находится в нижней части горла.

– Правильно.

– Жертве был сделан выстрел в шею.

– Согласен.

– Кто это сделал? Какой убийца станет стрелять жертве в шею? Я думаю, случилось вот что. Жертва стояла на коленях. Убийца хотел прикончить мужчину выстрелом в затылок, как обычно поступают в таких случаях. Но в последний момент, может быть, у него дрогнула рука или до жертвы вдруг дошло, что с ней собираются делать, и она попыталась изменить положение. Поэтому оружие, нацеленное в голову, выстрелило в шею.

Полицейский из Сюрте согласно кивал, хотя было ясно, что у него есть вопросы и возражения. Санк-Марс смолк, давая ему возможность высказаться, чтобы понять, стоит ли дальше говорить с этим следователем.

– Откуда нам известно, что он стоял на коленях?

Вопрос был задан по существу.

– Об этом свидетельствуют пулевые отверстия. Цель убийцы неожиданно изменила положение. Это первое обстоятельство. Если бы жертва стояла и внезапно сдвинулась, пуля все равно попала бы в голову, только голова была бы немного повернута. Но траектория пули проходит сверху вниз, и выходное отверстие свидетельствует о том, что ствол оружия был направлен вниз на жертву.

– А в чем заключается второе обстоятельство? – спросил Пеншо.

Санк-Марс намеренно упомянул о первом обстоятельстве, чтобы посмотреть, задаст ли его собеседник вопрос о втором.

– Лед внутри отверстий на лице.

– Да, поэтому оно так странно выглядит. А разве это не замерзшая там вода? Ведь внизу холодно.

Санк-Марс поднял доски пола над прорубью, сложил пальцы так, как будто держит в руке пистолет, и сделал вид, что выстрелил.

– Сразу же после выстрела жертва упала в прорубь. Мужчина был еще жив. Выстрел был сделан не в сердце и не в голову. Он еще дышал и какое-то время продолжал жить. Почему же тогда убийца не прикончил его второй пулей? Первый выстрел не был случайным. Вы помните, что он был сделан с явным намерением убить жертву. Но разве мы нашли следы второй пули?

– Это станет ясно только тогда, когда мы вытащим его из проруби. При первом осмотре ничего не обнаружено.

– Теперь давайте предположим, что был сделан один выстрел. Почему только один? Может быть, потому, что был слышен какой-то шум, который перекрыл звук выстрела? Скажем, три или четыре снегохода направлялись к его домику...

– А разве не к тому домику, в котором мы нашли тело? – попытался уточнить Пеншо.

– Нет, не к тому. Я там не нашел никаких следов убийства. Так вот, снегоходы режут движками, а убийца правдами или неправдами заставляет жертву заглянуть в прорубь. Может быть, чтобы вытащить леску или очистить от льда, в общем, что-то в этом духе. Жертва встает на колени и тянет леску. Убийца вынимает пистолет. Снегоходы проносятся рядом, и, когда шум от них достигает предела, жертва чувствует около головы пистолет и дергается. Ба-бах! Убийца стреляет. Жертва головой падает в воду, но мужчина еще жив. Он не может ничего сделать – он там либо утонет, либо до смерти истечет кровью, – но он еще не умер. А убийца не может снова выстрелить...

– ...потому что снегоходы уже отъехали.

– Именно поэтому. Он не знает, что ему делать. Его жертва бьется в агонии. Ему что, снова в него стрелять? Нет. Дать ему утонуть? Голова его либо под водой, либо над самой ее поверхностью. Может быть, убийца поднял ему ноги и толкнул в воду. Может быть, прижал ботинком голову жертвы. В любом случае, он держит его в воде. И только после того, как тот какое-то время пробыл под водой и успел помереть, убийца вытащил мертвое тело из воды.

– Почему? – спросил Билл Мэтерз.

Санк-Марс сделал вид, что грозит ему пальцем.

– Убийца от тела не избавился. Мы об этом знаем потому, что тело замерзло на суше, а не в воде. Попав в еще теплое тело, вода не замерзает. Она может превратиться в лед только в том случае, если остается в теле трупа, лежащего на морозе. Может быть, тело оставалось в домике, когда печка не горела, и за ночь вода в отверстиях лица, в горле и легких замерзла и, превратившись в лед, набухла. Часть воды заледенела на его волосах. Может быть, его перевозили через озеро на снегоходе при сорокаградусном морозе, и вода заледенела при перевозке. Но в любом случае, перед тем как снова оказаться в воде, он замерз на воздухе. В этом, возможно, лежит ключ к разгадке, и потому это важно.

Пеншо задумчиво кивнул.

– Значит, моим людям придется проверять все проруби, искать там следы крови и органических тканей.

– И не только там, – серьезно сказал ему Санк-Марс, – а по всему озеру. Причем начать нужно как можно скорее.

– А почему вы считаете, что жертву не сразу сбросили в прорубь?

– Хороший вопрос, Пеншо. Не могу не отметить, что мозги у вас работают неплохо.

– Вообще-то, сержант-детектив, у некоторых из тех, кто работает в Сюрте дю Кебек, голова работает, несмотря на распространенное среди наших друзей из муниципальной полиции убеждение в обратном.

Санк-Марс хмыкнул.

– Это, друг мой, вы в самую точку попали. Может быть, жертва просто не могла пройти в прорубь, точно так же, как не проходит в ту прорубь, в которой ее нашли. Убийца мог оставить тело, чтобы пойти поискать необходимые инструменты и отколоть лед. Но более вероятно, что убийца не хотел, чтобы тело нашли там, где жертва была застрелена. Я очень сомневаюсь, что убийца мог положиться на течение. Может быть, он не рассчитывал на то, что тело найдут только весной, но в любом случае хотел, чтобы тело нашли как можно дальше от места преступления. Или не исключено – хотя это связано с большим риском, – что у убийцы были особые причины рассчитывать на то, чтобы жертву нашли там, где нашли. Мне бы хотелось убедиться, что жертву ничего не связывает с этим местом, кроме рыболовной лески, которой Билл привязал его к ножкам печки. По крайней мере, я хотел бы быть уверен в том, что его сознательно оставили там, где нашли.

– А как же это можно сделать?

– Еще один хороший вопрос, – признал Санк-Марс, но ответа на него не дал.

Пеншо резко встал с места.

– Я возьмусь за это дело прямо сейчас. Надеюсь, мы еще не опоздали.

– Хорошо, сержант. Желаю вам успеха в расследовании.

Какое-то время Пеншо держал дверь открытой, впуская внутрь холодный воздух, и только потом вышел на лед.

– Благодарю вас, сэр, – сказал он, обернувшись. – Спасибо вам за все. – Только после этого он захлопнул за собой дверь.

Мэтерз и Санк-Марс остались в домике, слушая, как завывает ветер, вихрившийся вокруг шаткой конструкции, сбитой из фанерных щитов. Мэтерз чуть заметно чему-то улыбался.

– В чем дело? – не выдержал в конце концов Санк-Марс и гаркнул на подчиненного: – Что тебя так умиляет?

– То, что Эмиль Санк-Марс, – хмыкнул Мэтерз, – делится сокровенным с офицером провинциальной полиции. Воистину, не иссякают в нашем мире чудеса.

– Да ничего такого я ему не сказал, – оскорбился Санк-Марс. Но после паузы сделал неопределенный жест подбородком и добавил: – Мне показалось, что этот парень отличается от других, хотя, может быть, я и ошибаюсь. А ты как считаешь?

Мэтерз чуть заметно кивнул.

– Да, мелковат будет.

* * *

Сержант Чарльз Пеншо размашисто шагал к домику, где было обнаружено тело. Нашедшая его женщина пыталась согреться внутри, там же суежилась ее знакомая, старавшаяся быть ей чем-то полезной. Войдя в хижину, он чуть кивнул второй женщине, та уловила, что ее просят выйти, а несколько жестов руками и выражение его лица дали ей понять, что нужно одеть дочку хозяйки и увести ее из домика. Какое-то время ушло на одевание и сборы, и, как только дверь за ними затворилась, Пеншо перестал делать вид, что проводит официальное полицейское дознание.

– Мне очень жаль, Камилла, что все так получилось, – сказал он, подвинул к себе деревянный стул и сел рядом с женщиной.

– Господи, Чарли, они убили Энди... Что нам теперь делать?

– Ты никому не говорила, что была с ним знакома?

– Я не знала, что делать, – призналась она. – Я просто начала кричать. Ведь Санк-Марс должен был быть где-то поблизости. Надо было, чтобы он сюда пришел.

– Хорошо, Камилла, ты все сделала правильно. Теперь вспомни, ты говорила кому-нибудь, что знала его?

– Нет, а что, надо было сказать?

– Если кто-то выяснит, что ты была с ним знакома, всегда можно будет сказать, что ты не видела его лица.

– Но я же сказала людям, что видела. То есть что я взглянула на его лицо. Сама не знаю, почему я это сделала. Я всем сказала, что потянула его голову, чтобы убедиться, что она там вместе с телом.

– Камилла!

– Я была не в себе! Я и теперь еще в себя не пришла! Черт бы все это побрал, Чарли.

– Ну, ладно, ладно, не бери в голову. – Он взял обе ее озябшие руки в свои и стал их растирать, чтоб немного согреть. – Проблема возникнет только в том случае, если кто-то выяснит, что ты знала Энди. Я веду это дело, поэтому, скорее всего, такой вопрос не встанет.

– А что с Санк-Марсом?

– Он вроде заинтересовался тем, что происходит. Постараюсь сделать так, чтоб его интерес работал на нас. Попробую как-то подогреть его заинтересованность.

– Может быть, нам просто ему обо всем рассказать? Мы же в любом случае хотели с ним поговорить.

– Смерть Энди спутала все карты. Ты была с ним знакома. Он умер в твоём домике. Энди так много знал, что мог помочь тебе и Люси. А теперь он мертв. Все дело именно в этом. Люси оказалась в сложном положении. И ты тоже. Мне надо хорошенько все обдумать.

Женщина стада тяжело дышать, из глаз ее потекли слезы.

– Чарли, Чарли, они убили Энди! Энди мертв!

– Тише, не плачь, – прошептал он, одновременно предостерегая ее и утешая.

– Как он попал под лед под моим домиком? – Эта тайна, казалось, приводит ее в исступление. – Это что, мне так сделали предупреждение? Они про меня тоже знают? Или хотят, чтобы я стала следующей жертвой?

– Не паникуй, Камилла. Это просто случайность. Они бы никогда не стали тебя об этом предупреждать.

Последний довод прозвучал не очень убедительно, поэтому сержант Пеншо пересел на топчан, на котором сидела Камилла, и обнял ее. Он укачивал ее, уговаривал не беспокоиться, хотя знал, что причин для опасений было множество и многое пока нельзя было объяснить. Женщина, переехавшая в то утро на снегоходе озеро к своему рыболовному домику, чтобы найти там в проруби под досками убитого друга, постепенно приходила в себя.

– А где Люси? – спросила Камилла Шокет.

– Она поехала в город. Сказала, ей надо слегка расслабиться.

Камилла бросила на него удивленный взгляд.

– Нет! – поспешно добавил он. – Люси ничего не знает об Энди.

– О Господи, Чарли!

– Да, я знаю, – проговорил он. – Для нее это будет большим ударом.

Они обнимали друг друга в убогом уюте выстуженной на морозе хижины.

* * *

Вечером того же дня сержант-детектив Эмиль Санк-Марс закемарил перед телевизором к концу фильма, который они смотрели по видеку с женой, пропустив заключительные романтические эпизоды. Он уже выходил из состояния дремотного забытья, когда жена вынула из видеомэгнитофона кассету и переключилась на программу новостей. Полицейский так устал за день, что спросонья ему было трудно подняться с мягких диванных подушек. Сообщение о землетрясении в Колумбии подействовало на него удручающе, а видеоролик об очередных волнениях палестинцев только ухудшил его настроение. Они смотрели новости по каналу штата Вермонт, потому что его жена-американка предпочитала смотреть новости американского телевидения.

– Если ты сейчас переключишься на местную станцию, у тебя будет шанс увидеть мужа в деле. – Санк-Марс вспомнил о том, что их кто-то снимал.

– Да, неужели?

Сандра была значительно моложе мужа. Сидя на диване, женщина подтянула колени к подбородку и обхватила их руками.

– Какой-то мальчик с видеокамерой оказался поблизости и снимал нас там на льду. Скорее всего, он уже продал пленку тому каналу, который ему больше заплатил.

– Тогда переключаяю! – с интересом сказала она. – Никогда еще не видела тебя за работой.

Местная франкоязычная станция уже заканчивала передачу международных новостей и переходила к главному в тот день событию местной жизни – убийству на озере Двух Гор.

– Смотри, это же ты! – воскликнула Сандра, глядя на экран, где ее муж уставился в прорубь, в которой, как сообщили зрителям, плавала голова мертвеца. – Ты что, касался ее голыми руками? Она же должна была быть холодной как лед.

– Нет, это Билл пытался ее вытащить.

Хамоватого начальника полиции Вудрой-Дориона показывали всего пару секунд. Большое внимание в репортаже было уделено странному совпадению: известный детектив Эмиль Санк-Марс снова оказался в нужном месте в нужное время.

В передаче содержалась информация, ранее ему неизвестная. Жертву опознали и установили – ею оказался некий Эндрю Стетлер, сотрудник фармацевтической компании «Био-Логика». При ее упоминании на экране возникло изображение высокого здания, стоящего на краю залива на некотором удалении от домиков рыбаков.

Просмотрев полуминутную передачу о своем знаменитом муже, Сандра снова переключилась на американский канал, а Санк-Марс тем временем переваривал новость о том, что убитый работал неподалеку от того места, где было обнаружено его тело.

Нажав кнопку на пульте, Сандра выключила телевизор, растянулась на диване и зевнула. Она откинула со лба непослушные темно-каштановые волосы, потом повернулась на бок и поцеловала мужа. Сандра была красивой женщиной с задорным взглядом и открытой улыбкой. У нее были мягкие полные губы и симпатичные морщинки на лбу, потому что она постоянно выгибала брови дугой. Она вскочила, взяла своего благоверного за руку и, потянув, заставила встать.

– Эмиль, ты ведь не будешь над этим делом всю ночь ломать себе голову?

– Я бы не стал исключать такую возможность.

– Хочешь, поспорим?

На нее, должно быть, подействовал романтический настрой того фильма, который она только что посмотрела, и детектив не мог устоять перед ее лучистым взглядом. Они в обнимку вышли из гостиной своего сельского дома, и Санк-Марс протянул свободную руку, чтобы выключить свет.

Глава 2

Регистрация

Примерно за два месяца до произошедших событий, среда, 8 декабря 1998 г.

В зависимости от природы эксперимента испытуемым в фармацевтической компании «Хиллер-Ларджент Глобад» платили до тысячи долларов на выходные за потраченное ими время и беззастенчивое использование их тел. Желаящие позволяли делать себе прививки, вводить вакцины, принимали лекарства, давали распылять на себя противоотечные средства, глотали слабительное и при этом должны были проводить в лаборатории все выходные – с вечера пятницы до утра понедельника, – чтобы их могли там обследовать. При некоторых экспериментах им не позволяли спать, в других случаях не разрешали вставать с постели, кроме как по нужде, которую они должны были справлять в горшки, а их мочу и фекалии сохраняли для изучения.

В каком бы состоянии ни находилась экономика – процветала она или переживала спад, недостатка в желающих не было почти никогда. Если компания давала объявление о том, что ей нужны двадцатилетние некурящие и непьющие подопытные, очередь из студентов, которые хотели подработать на летние каникулы, вытягивалась на целый квартал. Если им были нужны восьмидесятилетние старики с историей болезней сердца, желающих привозили на машинах родственники. Они шли, шаркая, за своими тележками-ходунками, проверяя электронные стетомуляторы сердца и частоту пульса, некоторые по-тихому перекуривали, чтоб унять волнение перед назначенной встречей. Если компании требовались мужчины, долго сидевшие на игле, тут же откликались бывшие эки, которых несколько дней назад выпустили из тюрем, вежливые, как пай-мальчики, и счастливые от мысли о том, что могут еще три дня просидеть за решеткой, а с ними подваливали бездомные бродяги-алкаши в надежде спороть на халяву лишний доллар.

В помещении лаборатории, где брали на анализ кровь, так чтобы не было видно испытуемым, висел плакат, повторяющий известную истину, что «Жизнь – дерьмо, и все мы сдохнем». Этот лозунг здесь красовался для того, чтобы ободрить лаборантов.

Люси Габриель, как правило, в ободрении не нуждалась, хотя ответственной за вывешивание такого рода бодрящих лозунгов была именно она. Приветливая и веселая, она была яркой личностью, энергичной и разговорчивой, гордившейся своей работой. В ее обязанности входил опрос претендентов, выстраивающихся в очередь на перекличку утром по пятницам, потому что проблемы нуждающихся были ей отнюдь не чужды. Она относилась к ним тепло и с симпатией. То, что она была индианкой, никого не волновало. Бедняки не без оснований считали, что ей самой доводилось переживать тяжелые времена, и это отчасти помогало им преодолеть замешательство, которое они здесь испытывали. Те, кто узнавал в ней поборницу прав индейцев, не побоявшуюся выйти на баррикады во время волнений, охвативших как-то ее резервацию, считали, что попали в хорошие руки.

А мужчины, конечно, были довольны тем, что ими занимается такая красавица.

Одна из ее задач при проведении таких собеседований состояла в том, чтобы брать на заметку чем-то необычных людей. Поэтому не было ничего удивительного в том, что ее внимание привлек Эндрю Стетлер. Он был заводным парнем, ей доводилось с такими сталкиваться. Для мужиков такого типа участие в программе было не более чем игрой, чем-то вроде неболь-

шого приключения, о котором потом можно будет с прибаутками рассказать собутыльникам в баре.

Как и большинство других испытуемых, Эндрю Стетлер в тот день оказался на мели. К таким ситуациям Люси уже давно привыкла. Она никогда не бралась судить о людях по их неприятностям. Она и теперь жила в резервации Канесатаке, где жизнь без расстройств и огорчений была просто немыслима, а трудные времена, казалось, воцарились там на веки вечные. Иногда у нее не хватало терпения общаться с людьми, которые начинали скандалить из-за того, что все у них пошло наперекосяк, или пытались с ней спорить по поводу принятого решения, которое их не устраивало, но она понимала, что каждый справляется со своими трудностями как умеет.

Эндрю Стетлер, должно быть, всегда был душой любой компании.

– Выбери меня, – заявил он ей с порога, кривовато улыбаясь. Длинные черные волосы спадали ему на плечи, завиваясь на концах, улыбка была в меру обаятельной, глаза светились озорными искорками. Усевшись на стул перед столом Люси, он уперся крупными руками в столешницу светлого дуба. – Вены у меня просто отличные. Тебе не придется бурить скважину, чтобы взять у меня кровь на анализ. Хотя, честно тебе признаюсь, когда в последний раз у меня было кровотечение, кровь текла черная. Я так думаю, предки мои были инопланетянами. А может, пулю в меня всадили отравленную, чем это еще можно объяснить? – Подбородок у него слегка выдавался вперед, шея была непропорционально длинной, а кадык сильно выпирал. – Но для тебя, солнышко, у меня потечет только красная кровь. Потому что, глядя на тебя, я себя чувствую переполненным красной кровью американским парнем, хотя на самом деле я не такой. Я – талант местного разлива. Канадец. Родился и вырос в Монреале. И есть все основания полагать, что тут я и помру. Меня больше никуда особенно не тянет, у кого хватит наглости меня в этом винить? Здесь так много настоящих красавиц, разве я могу хоть одну пропустить? А что касается свиданий...

– Меня твои свидания не касаются, – вставила Люси.

– Тогда, моя радость, давай сразу договоримся о деталях, – сказал он, махнув рукой и как бы отменяя тем самым ее замечание в сторону. – Штуку, которую твоя компания заплатит мне за то, чтобы поставить клизму – или что она там еще собирается со мной сделать, – мы с тобой просадим на веселую ночку в городе. Вкусно поедим, в кино сходим, выпьем что-нибудь. Что ты на это скажешь?

– Назови мне, пожалуйста, свое имя, – попросила его Люси.

Его улыбка чем-то ее очаровывала, манила. Неуловимое выражение, крившееся в уголках губ, подкупало озорством, весельем, скоморошеством, за которыми ей чудился чувственный призыв. И от его темных глаз она чуть не разомлела.

– Зови меня просто Энди.

– А как тебя в твоем банке называют? Если тебе решат выписать чек, его тоже на Энди выписывать?

– Понял! Нет, чек надо выписать на Эндрю Стетлера. Я, правда, нечасто вижу чеки на мое имя, поэтому лучше даже его выписать на Эндрю Р. Стетлера. Неплохо звучит для белого, тебе не кажется?

– Лишь бы тебе хорошо было.

– А ты ведь не белая, – сказал он.

– А ты не слепой, – тихо парировала она, делая вид, что поглощена исключительно заполнением его регистрационного бланка.

– Может, и так. Хотя, пока тебя не увидел, был наполовину слепым. Раньше женщины в форме меня никогда особо не манили, но, как тебя увидел, тут же стал вполне зрячим.

Белый халатик, который она носила в лаборатории, трудно было назвать формой, но спорить об этом ей было недосуг.

– Ты чистый, Энди?

Он сделал вид, что принохивается к своим подмышкам.

– Господи боже мой, мне казалось, я утром душ принял. И побрился вроде. Я, знаешь, чаще всего пользуюсь «Айриш спринг» или «Райт гард»². Так что вонять от меня не может, если тебя именно это интересует.

– Мне кажется, ты прекрасно понял, что меня интересует. – Она впечатала его имя в компьютерную анкету.

Он снова очаровал ее игривой улыбкой и лучистым взглядом темных глаз.

– Как тебя зовут, красавица?

– Люси Габриэль.

– Рад с тобой познакомиться, Люси. Я верю в свободную от наркотиков Америку, поэтому предпочитаю жить в Канаде. А если говорить серьезно, держись от этой заразы подальше. Мне эта дрянь слишком много напортила в жизни. Из-за этого дерьма я потерял многих друзей. Если хочешь, возьми у меня кровь на анализ.

– Я сделаю это, Энди. Обязательно возьму. Но ты нам двоим сэкономишь много времени и хлопот, если будешь честно отвечать на мои вопросы.

Он провел большими руками по столу, улыбнулся.

– Сколько времени я должен быть чистым? – спросил он.

– Шесть месяцев достаточно.

– Следующий вопрос. Чистый от чего именно?

– От героина, крэка, кокаина, амфетаминов, – уточнила она.

– А от марихуаны, гашиша, ангельской пыли?

– Будет достаточно, если то, что назвала я, ты не употреблял шесть месяцев, а то, что добавил ты, шесть дней.

Он протянул ей руку.

– Годится. Можно я приду через неделю?

– Ах...

– Шучу! – рассмеялся он. – Чистый я! Не скажу тебе, что исключительно, потому что сам к этому очень стремился, но травкой я не затягивался с тех пор, как последний раз потерял работу. А твой список меня никогда не волновал. Я один из немногих парней, кто сидел в тюрьме и вышел оттуда с чистой совестью. Я, Люси, ходячее и говорящее чудо.

В коридоре ждала уже приличная очередь, но она не спешила отпускать этого парня.

– Что мне написать в графе о твоей работе? Что ты волшебник? Религиозный фанатик? Закоренелый рецидивист?

Он улыбнулся.

– У тебя интересная манера формулировать вопросы. Давай-ка лучше я с тобой об этом потолкую. Люси, может, для меня найдется что-нибудь в этой компании? Нормальная работа, лучше постоянная, а не эта лабуда для подопытных кроликов?

Она пожала плечами.

– Пойди, поговори в отделе кадров.

– Вы же здесь лекарства делаете? – продолжал он. – Я как сюда пришел, видеокамеры в холле заметил, у всех сотрудников удостоверения с фотографиями, пароли всякие. Мне кажется, здесь у них проблемы с безопасностью. Я мог бы им в этом помочь.

– Пойди лучше в агентство «Пинкертон».

Он снова рассмеялся, как будто девушка отколола забавную шутку.

² Irish Spring, Right Guard – известные марки шампуней, – Прим. перев.

– Я не из тех, Люси, кто связывает себя жесткими обязательствами. Но мне известны такие хитрости, о которых охранники из «Пинкертон» даже не слышали. Если, Люси, у тебя возникнут деликатные проблемы, я именно тот парень, который знает, как их решить.

Люси без колебаний отнеслась к его заявлению со всей серьезностью.

– Хорошо, Энди. Я тебя озадачу одной проблемой, а ты мне подскажи, как ее лучше решить.

Впервые за все время разговора он откинулся на спинку стула – отчаянный до дерзости.

– Давай, озадачивай.

– Предположим, я решила угнать грузовик. Как мне это лучше сделать?

Энди аж присвистнул.

– Ну, ты даешь! Надо же, какая ты, оказывается, деловая. Ты это серьезно?

Она улыбнулась.

– Нет, конечно. Это проверка. Ты только языком болтать умеешь или действительно на что-то способен?

Он решительно кивнул, как будто показывал, что установленные правила справедливы и он готов ринуться в бой.

– Ну, что ж, давай посмотрим. Здесь у тебя главная проблема – бандиты. Без согласия братвы тебе грузовик не угнать, или тебе быстро руки-ноги повыдергивают. Так что либо ты договоришься с бандитами, либо... – Казалось, он вдруг глубоко погрузился в свои мысли.

– Либо что, Энди?

– Слушай, ты ведь индианка, правда?

– Ну и что?

– Так угони грузовик в Штатах. А потом пусть твои индейские друзья – то есть я хочу сказать, если, конечно, у тебя есть с ними связи, – перегонят его через границу. Все знают, что границу контролируют индейцы. Если тебе нужен грузовик, заплати своим друзьям-индейцам перевозкой их товара – сигарет или выпивки.

Пока он выкладывал ей свою схему, глаза его глядели куда-то в сторону. Закончив, он посмотрел Люси Габриель прямо в глаза и увидел, что она смотрит на него напряженно и серьезно.

– В чем дело? – спросил он.

Она будто очнулась, выйдя из глубокого транса, и резко встала со стула.

– Ты можешь подождать меня здесь пару минут?

– Я никуда особенно не тороплюсь.

Люси быстро вышла из кабинета.

Девушка прошла по лабиринту коридоров, останавливаясь у нескольких дверей, чтобы набрать открывавший их код, и вошла в просторную лабораторию. Люси рано выходила на работу, здешние сотрудники приходили позже. На белых стенах и потолках помещения не было ни пятнышка, столы были сделаны из блиставшей чистотой нержавеющей стали, тишина, стоявшая в помещении, делала обстановку немного жутковатой. Люси обрадовалась, когда увидела там человека, которого искала, – теперь ей не надо было тратить время, чтобы подниматься на лифте на три этажа.

– Доктор Ларджент! – громко сказала она.

– Доброе утро, мисс Габриель.

Худой, чем-то напоминавший мышью человек с пронизательными голубыми глазами, доктор Рэндал Ларджент пригладил торчащие волосы на голове, чем-то похожие на прическу Эйнштейна. Под белым лабораторным халатом на нем был привычный синий в мелкую полоску костюм и рубашка с галстуком. Шестидесятидвухлетний директор компании больше походил на крупного чиновника, чем на ведущего исследователя.

Девушка подошла к нему ближе и шепотом поделилась только что полученной информацией. Он взял ее под руку и слегка привлек к себе, чтобы лучше слышать, что она тихо ему говорила.

– Я нашла нам человека! Это именно то, что надо! Просто подарок на блюдечке с голубой каемочкой!

– Люси, успокойся.

– Он подходит нам по всем статьям, лучшего нам не найти. Пришел сюда как подопытный кролик. Что мне с ним делать?

Перед тем как вынести свой вердикт, доктор Рэндал Ларджент сделал глубокий вдох.

– Ну так найми его, – сказал он и выдохнул.

– Правда? На эту работу?

– Нет, – осадил он лаборантку. – Найми его как подопытного кролика. И приглядишься к нему на выходные. Посмотри, как он будет себя вести.

– Да? А если он в выходные не придет? – возразила Люси.

– Значит, он не наш человек. Тебе понятно?

– Понятно, – сдалась лаборантка. – Но вы же помните, что это не обычные выходные. Там будет непросто.

– Тем лучше. Посмотрим, как он с этим справится.

Фармацевтическая компания «Хиллер-Ларджент Глобал» занималась контрактными исследованиями, а Монреаль, как известно, – крупный исследовательский центр. Когда эксклюзивная лицензия на успешный патент на лекарство заканчивается, конкурирующие компании предлагают свои рыночные варианты аналогичных медикаментов. Новые лекарства подлежат проверке, потому что этого требуют установленные правительством правила. Фармацевтическим компаниям выгодно и достаточно просто делать такую работу, и «Хиллер-Ларджент Глобал» – сравнительно небольшая фирма – с удовольствием заключала контракты на такого рода деятельность, используя полученные средства для финансирования собственных исследований, сосредоточенных на разработке новых лекарств от серьезных заболеваний. В те выходные там должны были проводиться эксперименты по очистке кишечника, необходимой для подготовки пациента к обследованию. Когда Эндрю Стетлер упомянул о клизме, он был совсем недалек от истины.

Люси кивнула.

– Хорошо, я так и сделаю.

– Доброе утро! Как у нас идут дела?

Вопрос исходил от человека, имя которого дало компании вторую половину ее названия, – доктора Гарри Хиллера, который только что вошел в лабораторию. Гарри нравился Люси больше Ларджента, но он хуже ориентировался в делах своей компании, чем его коллега. Даже она знала некоторые вещи, о которых ее начальник и не подозревал. Макушка у него совсем облысела, но с боков голова босса заросла густыми черными волосами. Лицо Гарри можно было назвать лошадиным, особенно на нем выдавались полные губы. Ростом он был не выше Люси. Все знали, что Гарри Хиллер был подлинным научным руководителем компании, в то время как Рэндал Ларджент больше занимался административными вопросами. Хиллер неукоснительно придерживался всех правил, а Ларджент относился к заведенным порядкам спустя рукава и так же он вел всю документацию.

– Я сейчас сию на регистрации, – задорно ответила Люси. – Там все в порядке, но мне надо бежать. Пока.

Летящей походкой она быстро направилась к выходу по натертому до блеска полу.

* * *

Когда Люси вернулась в кабинет, Эндрю Стетлер стоял у картотечного шкафа и внимательно рассматривал висевшую на нем фотографию. На снимке девушка была изображена, как сама она любила говорить, в боевых доспехах – в украшенной вышивкой куртке из оленьей кожи, джинсовой рубашке и обтягивающих залатанных джинсах. Она стояла на перевернутой на бок полицейской патрульной машине, сжав в кулак опущенную руку, а в другой – поднятой вверх – держала винтовку. Лицо ее украшала боевая раскраска, рот был широко открыт – видимо, она так кричала, что у людей кровь стыла в жилах.

– Люси, неужели это ты? – не веря глазам, спросил Стетлер и сел на стул.

– Лга.

– Господи! От тебя лучше держаться подальше. Это тебя что, снимали во время событий в Оке?

В начале 1990-х годов стычки между полицией и ее народом переросли в открытое столкновение. Расположенный рядом с ее резервацией городок под названием Ока беспечно решил расширить границы муниципального поля для гольфа. Землю, на которую посягнули городские власти, могавки считали своей, и, кроме того, на спорной территории, по словам индейцев, находились их древние священные захоронения – классический пример конфликта. Белые не без издевки высмеяли известие о том, что на этой земле было древнее кладбище, наплева- тельски отнеслись к достигнутым когда-то договоренностям, одновременно превознося гольф и защищая право каждого человека ударить клюшкой по мячу. Могавки вспомнили о своих вековых обидах, заняли в сосновых лесах оборону и выставили посты на дорогах. Их решила разогнать провинциальная полиция. В стычке был убит один полицейский, а остальные разбе- жались как напуганные зайцы. Тогда против индейцев были направлены армейские подразде- ления, и противостояние между до зубов вооруженными индейцами и солдатами с примкну- тыми штыками приковывало внимание западного мира на протяжении нескольких недель. В конце концов спокойствие было восстановлено. Могавки сохранили свое кладбище, хотя неко- торым из них пришлось отсидеть срок.

– Конфликт в Оке... прошлые выходные, – как-то странно проговорила Люси. – Теперь уж всего не упомнишь. Я перевернула так много патрульных машин, что со счета сбилась.

– А я-то думал, это у меня рыльце в пуху.

Девушка улыбнулась. Парень ей явно нравился.

– Слушай, у тебя есть шанс получить постоянную работу.

– Ты не шутишь? Где?

– Не здесь. Потом об этом поговорим. На той неделе я тебе постараюсь устроить встречу с президентом другой компании, это наши партнеры. Он себе подыскивает человека, может быть, ты ему подойдешь.

– Почему только «может быть»? – спросил Стетлер.

Люси чуть вздернула подбородок.

– Во-первых, тебе надо пережить эти выходные. Я беру тебя в качестве испытуемого. Если все с тобой будет в порядке, ничего не натворишь и вести себя будешь хорошо, я тебе организую собеседование.

– Отлично, Люси. Спасибо тебе.

– На выходные ты меня благодарить не будешь. В перерывах между приступами поноса тебя будет так рвать, что мало не покажется.

– Да ну?

– Не строй себе иллюзий.

Энди чуть кивнул, как бы соглашаясь с поставленными условиями, и снова улыбнулся ей змеем-искусителем.

– Ты думаешь, это сильно отличается от моих обычных выходных?

* * *

В то утро Эндрю Стетлер уходил от здания «Хиллер-Ларджент Глобал» пешком, что само по себе было неудивительно, потому что подавляющее большинство испытуемых приезжали туда и уезжали на общественном транспорте или приходили и уходили на своих двоих. Лишь немногих доставляли туда машины, причем обычно это были проржавевшие развалюхи с отваливающимися глушителями. Исключительным отбытие Стетлера можно было считать потому, что, пройдя несколько кварталов и трижды свернув за угол, он остановился, оглянулся по сторонам, потом открыл своим ключом дверцу «олдсмобиля» последней марки и сел за руль.

Не менее удивительным было и то, что приехал он на своей машине к собственному дому. Эндрю Стетлер жил на втором этаже двухэтажного дома в густонаселенном северном квартале, а первый этаж, соединенный со вторым внутренней лестницей, сдавал своей матери. Он брал с нее ровно ту сумму, которую выплачивал ей на содержание, но, с уважением относясь к налоговому законодательству, они с матерью неукоснительно соблюдали ритуал выписки и депонирования чеков за арендную плату.

Дома Энди снял с себя выгоревшую бесформенную одежду, в которой ходил на собеседование, развязал шнурки рабочих ботинок и бросил в кучу тряпья старые джинсы. Потом надел свежую выглаженную сорочку и брюки с тщательно отутюженными складками. Именно в это время процесс переодевания был прерван стуком в дверь.

Два удара, пауза, еще два удара, вторая пауза, и один заключительный удар.

Как всегда, секретный код.

Единственное, что его раздражало в жизни с матерью, была ее надоедливая привычка заявляться к нему, как только он возвращался домой. Многочисленные жалобы и просьбы привели лишь к тому, что она стала появляться на несколько минут позже, но избавиться от привычки подниматься по лестнице и заводить с ним на полчаса разговор она так и не смогла.

– Привет, мам.

– Энди, ты сегодня так рано встал утром!

– Так было надо, мам.

– Куда же ты ездил?

– По делам, мам.

– Ну, это я так, чтобы поддержать беседу.

Она все дальше продвигалась по квартире, все разглядывая, что-то вынюхивая, видно, ей очень хотелось выяснить, один он дома или нет.

– Ты, мам, сама меня научила быть скрытным. Так что теперь пеняй на себя.

– Скрытность хороша, когда речь идет о секретах, Энди. Не надо быть скрытным просто ради скрытности.

Его мать никогда не была крупной женщиной, а теперь она понемногу усыхала. Энди даже как-то подумалось, что в один прекрасный день она усохнет до такой степени, что он сможет ее найти среди бесчисленных покрывал и подушек, только когда мать с ним заговорит. Дома она обычно набрасывала на ночную рубашку халат и только в тех случаях, когда приглашала гостей, одевалась по-человечески. Миссис Стетлер была поклонницей оккультизма; раньше, когда сын был еще маленьким, она состояла членом духовной секты. Все его детство прошло под знаком секретных стуков в дверь, закодированных телефонных звонков, резких движений среди ночи и сурового запрета приводить в дом незнакомых людей. Все эти привычки он впитал с молоком матери почти в прямом смысле слова. Ему ничего не стоило вести

двойную или даже тройную жизнь, а врать он привык с такой же легкостью, с какой дышал. Дожив до старческого слабоумия, миссис Стетлер ограничила себя гаданием по картам Таро и редкими сеансами спиритизма в полночь. Подруги воспринимали ее как слегка взбалмошную безвредную старушку, но теперь покров тайны стал окутывать жизнь ее сына. Даже она не знала, чем он занимается, как зарабатывает себе на жизнь и сумел ли он в ней чего-нибудь достичь.

– Мам, мне скоро пора уходить. Тебе здесь что-то надо?

– Да, дорогой, телевизионную программу. Свою я куда-то задевала.

Он усмехнулся. У матери всегда был припасен ответ на любой вопрос, причем ее никогда нельзя было заподозрить в том, что она импровизировала на лету. К нему перешла и эта ее манера. У Энди тоже всегда был готов ответ на любой вопрос.

Отослав мать к себе вместе с программой и перекусив на скорую руку, Энди отправился в теннисный клуб. Путь туда был неблизкий, потому что жить он привык среди франкоговорящих квебекцев и иммигрантов, а общаться с людьми предпочитал в расположенных на приличном расстоянии от его дома более богатых районах, заселенных преимущественно англоговорящими жителями. Проехав по северной границе города, он попал в его западную часть, где, съехав со скоростной дороги, оказался в районе, застроенном торговыми центрами и дорогими частными домами. Вернер Хонигвакс его уже ждал, они обменялись рукопожатиями.

– Мне звонила Люси, – сказал ему Хонигвакс.

– Уже?

– Она завелась с пол-оборота.

Мужчины усмехнулись, обменявшись понимающими взглядами.

Хонигвакс держал себя с поистине царственным достоинством. Лицо у него было круглое, с широко посаженными глазами и необычно широкими скулами, отчего возникало странное ощущение, что оно было совсем плоское. Поэтому, хоть нос был небольшой и кончик слегка загибался в сторону, на плоском лице он казался достаточно крупным. Его черные волосы были мастерски уложены так, что из прически не выбивался ни один волосок, над холерными руками на славу поработала маникюрша. Весь его вид явно свидетельствовал об успешности: на запястье поблескивал «ролекс», на одном пальце красовалось увесистое обручальное кольцо, на другом – перстень белого золота с крупным топазом, обрамленным бриллиантами. Серый в полосочку костюм сидел на нем как влитой. Всем своим обликом он как бы утверждал значимость и солидность своей персоны, а квадратные плечи и грудь боксера-тяжеловеса лишь усиливали это впечатление. Энди хватило одного взгляда, чтобы оценить, насколько этот человек за собой следит, потому что при такой комплекции малейшее невнимание чревато излишней полнотой. Ростом он был под шесть футов, а весил фунтов двести.

– Она мне сказала, что сначала придется пережить эти выходные, чтобы зарекомендовать себя.

– Легкими тебе эти выходные не покажутся, – предупредил его Хонигвакс.

– Как-нибудь с этим справимся. Чем хуже, тем лучше для меня. Немного сострадания поможет мне укрепить наши отношения с Люси. Ты был прав, Вернер, – она куколка что надо.

– Ты с кем-нибудь еще встречался?

– Нет. Она ни с кем меня не знакомила. Разве что ненадолго отошла с кем-то о чем-то потолковать...

– С Рэндалом Лардгентом, – вставил Хонигвакс.

– Это тот малый, который связан с нами, так?

– Ты все понял правильно. Рэндал Лардгент, этот чудак с нечесаной копной седых волос, напоминает ученого червя и, кажется, весь погружен в науку, но на самом деле у него только такой вид. Он совсем не чудак, да и ученым его назвать трудно. Да, он с нами заодно. А его

партнер – Гарри Хиллер, сутулый коротышка с лысиной и бархатным голосом, – этот не с нами. Гарри о тебе ничего не знает.

– А Ларджент – знает.

– Ларджент знает, и я знаю. И всё. Для всех остальных – ты подопытный кролик, который пришел в лабораторию отогреться.

– Кроме Люси. Я – мужчина ее мечты.

– Ты не слишком гонишь лошадей?

– У меня на такие вещи нюх как у собаки.

Вернер Хонигвакс присвистнул.

– Зря времени не теряешь. Аадно, пойдем на корт.

Эндрю Стетлер следовал за своим новым клиентом. Он решил воздержаться от обсуждения промашки, которую допустил утром, ненароком обмолвившись в разговоре с Люси, что ему будут ставить клизму, хоть знать об этом заранее не мог. Он ляпнул это вроде как в шутку, и прозвучала она как случайное совпадение. Для Эндрю – профессионального охотника за чужими тайнами, такая оплошность проблемы не составляла. Но ошибки могли быть опасными. Ему надо было снова сыграть свою роль, в которую сначала приходилось входить, а потом играть ее мастерски, окончательно и бесповоротно вжившись в образ.

Спустя два с половиной дня, раннее утро субботы, 11 декабря 1998 г.

Жидкость, которую дали выпить Эндрю Стетлеру и другим испытуемым, чтобы очистить кишечник, была прозрачным, кисловатым на вкус раствором, вызывающим ужасные судороги в желудке. При этом мучения, испытываемые подопытными, были отнюдь не шуточные. Из-за непрерывного поноса они сидели на горшках часами, а лаборанты стойко переносили стоны, зловоние, грязь и уныние, сопровождавшие унижение тех, кто согласился играть роль подопытных кроликов.

Нескольким добровольцам велели пить медленно, другим быстрее, а результаты наблюдались и записывались. Эндрю Стетлер был в числе тех, кто выпил раствор быстро, его часто рвало, причем иногда одновременно с сильными приступами поноса.

Позже, уже ночью, когда все успокоилось и он уже лежал на койке, его навестила Люси.

– Я прошел проверку?

– Ну что, еще держишься?

– Тело ватное, в башке – звон, а в животе – как холодная овсянка. Так что со мной все в порядке, спасибо. А ты как?

– Если тебе от этого полегчает, могу признаться, что меня от вони тоже вывернуло наизнанку.

Он улыбнулся краешком губ.

– Да, мне от этого стало много лучше. Скажи мне одну вещь. Ты переворачивала полицейские машины, там на снимке ты стоишь с боевым оружием, а на работе мучаешь мужчин, к которым тебе бы надо ходить на свидания. Зачем тебе все это?

Люси была поражена тем, что даже в таком состоянии его не покидало чувство юмора.

Она взяла раскладной алюминиевый стул и присела рядом с койкой. Они разговаривали тихо, стараясь не потревожить других испытуемых.

– Если получишь работу, – сказала она, – ту, о которой я тебе говорила, связанную с охраной, и если тебе по работе придется угнать грузовик...

– Меня никак не покидает ощущение, что ты все время валяешь со мной дурака. Ладно, продолжай.

– Так вот, если допустить, что мы там будем вместе и нам придется угнать грузовик... Если предположить, что сложится такая ситуация, я просто хочу тебя еще немного озадачить... нам ведь потребуется водитель.

– С этим проблем не будет. Я отлично вожу грузовики.

– Нет, – ответила девушка. – Ты не забыл, что твоя работа – находить решения? Может случиться – гипотетически, – что нам понадобится шофер, не связанный ни с «Хиллер-Ларджент», ни с другой компанией. Ты с нами уже связан – мы тебе выпишем чек за эти выходные. А нам нужен кто-то, не имеющий к этому никакого отношения...

– Это не проблема.

– ...Причем этот шофер должен быть ВИЧ-инфицированным, – добавила она.

– Неслабые у тебя заявочки! Это, конечно, осложняет дело.

– Но это возможно?

Энди прислушался к бурчанию в животе, напрягшись от того, что внутри у него все сжалось.

– Это не просто возможно, – ответил он, – это очень легко. Я знаю, с кем мне надо будет связаться.

– Правда? – Он снова ее поразил.

– Никаких затруднений.

– Ты знаешь ВИЧ-инфицированного угонщика машин?

– А что здесь невозможного? Если говорить серьезно, его зовут Люк Сегин, и он не угонщик легковушек. Он – похититель грузовиков. Прирожденный вор. В третьем поколении, так сам говорит.

– Ну, ты даешь! И ты его знаешь?

– Такая у меня работа. По крайней мере, я с ней справляюсь.

Она кивнула и ненадолго задумалась.

– А он не голубой?

– Какая разница?

– Да нет, никакой, просто на ум пришло.

– Он получил СПИД в тюрьме через наркотики, так он об этом говорит людям. Я его достаточно хорошо знаю и могу тебе сказать, что к женщинам он относится очень хорошо, но душа человеческая – потемки. Может, ты и права.

Следующий спазм в кишечнике был такой громкий, что оба они улыбнулись. Она коснулась его руки, высунувшейся из-под одеяла.

– А почему тебе нужен кто-то со СПИДом? – спросил Энди. Девушка помедлила с ответом, и он тут же добавил: – Конечно, говоря гипотетически.

Люси понадобилось какое-то время, чтобы решить, отвечать ему или нет.

– Водитель может сталкиваться с разными вещами, встречаться с больными людьми. Поэтому будет проще, если он окажется таким же, как они. И доверять я ему буду больше, если он сам окажется в такой же ситуации, как те люди, которым он будет помогать.

– Так что, речь идет о помощи людям?

– Этим буду заниматься я. – Она снова коснулась его руки. – Я устрою тебе встречу с Вернером Хонигваксом, – пообещала Люси. – Мне кажется, Энди, он даст тебе работу.

– Это было бы здорово. Жаль только, что придется работать не на твою компанию. Мне бы хотелось работать с тобой.

– Не переживай, может статься, мы еще поработаем вместе.

– Сколько же у тебя тайн, – прошептал он в ответ. – Я от тебя балдею, Люси.

Улыбнувшись, она ушла, оставив его приходить в себя и бурчать нутром.

Глава 3

Прямо в глаза

Девять дней спустя, понедельник, 20 декабря 1998 г.

Люси Габриель стояла на обочине дороги около своего дома, на холоде ее дыхание клубилось белым паром. Небольшая сумка с самым необходимым лежала рядом на земле. На ней были ковбойские сапоги, обтягивающие джинсы, подчеркивающие длину стройных ног, и старая замшевая куртка. Руки девушка держала в карманах, шею укутывал воротник из овечьей шерсти – когда-то белой, а теперь посеревшей.

В ее сторону направлялся старый рыдван, выбрасывающий черные клубы дыма из выхлопной трубы. Он выглядел сильно потрепанным, причем у девушки сложилось впечатление, что крылья ему приклепали тем самым утром. На переднем пассажирском сиденье еле умещался Эндрю Стетлер, упиравшийся коленями в приборную доску. Когда тарантас подъехал ближе, он напомнил Люси остовы реликтовых машин, брошенных на территории резервации. Она взглянула в небо, глубоко вздохнула, потом взяла сумку, устроилась на заднем сиденье, нагнулась вперед, и Энди, воспользовавшись ситуацией, чмокнул ее в губы. Она протянула руку водителю, они обменялись рукопожатием.

– Это Люк Сегин, тот парень, о котором я тебе говорил, – сказал Энди и, обратившись к Люку, добавил: – Я же сказал тебе, она настоящая красавица. Так что не вздумай к ней подкатываться. Если решишь за ней приволокнуться, она твою тачку перевернет, да еще и спляшет на ней.

– Я видел тот снимок в газете, – сказал Люк скрипучим голосом. – Потому и приехал на этой развалюхе.

– Рада с вами познакомиться, – сказала ему Люси.

– Взаимно. – Он врубил передачу, что было совсем не просто, и развалюха затарахтела по резервации Канесатаке.

– Ты говорила со своими братьями-воинами? – спросил Энди. Он сидел боком, обращаясь к ней через пространство между двумя передними сиденьями.

– Я бы не стала называть их моими братьями.

– Ты с ними не ладишь?

– Я бы это сформулировала по-другому: мы не смотрим друг другу прямо в глаза, – сказала девушка, пожав плечами.

Энди и Люк обменялись многозначительными взглядами. Люси подумала, что шоферу было лет пятьдесят пять. Может быть, больше. Его дряблая кожа имела странный бледный оттенок, коротко стриженные волосы лепились прямо к черепу. Он был худ и изрядно потрепан, даже скорее истощен. Она не знала, как должны себя вести бывшие заключенные, и судила только по тем представлениям, которые у нее сложились. Его спокойствие производило на нее впечатление скорее отстраненности, чем одиночества, как будто здесь находилось лишь его тело, а мысли витали где-то в облаках.

– Ты меня интригуешь. Что ты имеешь в виду? – в тоне Энди прозвучала искренняя заинтересованность.

Вытянув шею, она покрутила головой, стараясь ослабить внутреннее напряжение. Для нее этот вопрос выеденного яйца не стоил, он всегда больше интересовал белых, чем людей ее племени.

– Если мэр какого-нибудь захолустного городка захочет отнять нашу землю, если на нас нападут полицейские или окружит армия, попытается отрезать от мира и уморить нас голодом, тогда – можешь мне поверить – мы все встанем бок о бок, один индеец за другого будет готов отдать жизнь. Но если воинам как-нибудь взбредет в голову превратить резервацию в игорный притон, если они захотят продавать наркотики и оружие бандитам, если они решат научить наших детей выращивать марихуану или шельмовать в карты, здесь мы с ними разойдемся во мнениях.

Можешь мне поверить. Если на нас нападут, я буду вместе с воинами. А если им захочется нас себе подчинить, не побоюсь любому воину надрать зад.

Они ехали по резервации, по сторонам от дороги стояли простые, опрятные домики. На некоторых висели флаги моговских воинов, кое-где виднелась реклама дешевых сигарет и выпивки, контрабандой ввозимых из Соединенных Штатов для продажи белым из города. Эти маленькие предприятия работали на большой бизнес – и крупный бизнес не всегда играл по правилам. Табачные компании делали в Пуэрто-Рико канадские сорта сигарет и использовали индейцев для их незаконного ввоза в страну через штат Нью-Йорк, где резервации простирались через границу. В результате государство лишалось высоких налогов на сигареты, установленных, чтобы молодежь не приучалась к курению. Табачные компании полагали, что поставляют свою продукцию по разумной цене, а воины считали, что делают на этом хорошие деньги.

Энди в восхищении покачал головой.

– Ты не перестаешь меня удивлять, Люси. Никогда бы не подумал, что ты так хорошо разбираешься в политике.

– Я верю в то, что считаю справедливым.

От этого ее высказывания Энди хмыкнул.

– А ты, Люк, что думаешь по этому поводу? Тебе раньше доводилось когда-нибудь работать на стороне правды и справедливости?

– Такого я не упомяну.

– Привыкай, – сказала ему Люси. – Теперь так оно и будет.

– Когда я в последний раз занимался этим вопросом, угон грузовиков не считался законным занятием.

– Мы этим занимаемся, чтобы спасти человеческие жизни.

– Что ты на это скажешь, Люк? – поддел его Энди. – Скоро ты станешь у нас национальным героем.

– Так тому и быть. – Он спокойно всматривался в колдобины и извивы бежавшей впереди сельской дороги. – Слушай, могу я тебя спросить кое о чем, что касается воинов?

– Ты, Люк, можешь мне задавать любые вопросы.

– Они дадут нам переехать через границу? Ты ведь им прямо в глаза не смотришь, как сама сказала, потому я и думаю, выгорит у нас это дело или нет?

– Хороший вопрос, – вставил Энди. – Так что, пропустят они нас, как думаешь?

– За этим, ребята, дело не станет. Мы с ними договоримся – за переезд границы в обе стороны мы им скинем весь груз сигарет. Это обычная сделка – ничего общего с тем, воины они или нет, смотрю я им прямо в глаза или не смотрю. Чистый бизнес.

Энди, со своей стороны, казалось, таким ответом удовлетворился. Он сменил позу и стал смотреть вперед.

– Неплохо. Мне бы совсем не хотелось, чтобы наши дела хоть как-то были связаны с политикой.

– Аминь! – отозвался Люк. Он переключил передачу на низшую и снизил скорость, потому что машина проезжала через поселок.

– Все связано с политикой, – тихо сказала себе Люси.

– Я все слышал, – заметил Энди, повернулся, протянул руку между спинками передних сидений и коснулся ее коленки.

Территория резервации кончилась, они пересекли мост и проехали через небольшой оживленный городок Хоксбери, потом сельской дорогой направились к югу, в Онтарио, выбирая небольшие проселочные дороги. Через час они снова оказались на землях индейцев в резервации Аквесасне. Это название значит «Земля, где хлопают крыльями куропатки», потому что у здешних птиц действительно есть привычка хлопать крыльями, угнездившись на гниющих стволах деревьев. Как бы подчеркивая связь с птицами, здешние воины славились своим задиристым нравом. Границы резервации пересекали как реку Святого Ааврентия, так и границу между Канадой и Соединенными Штатами, причем эта географическая несуразность не давала покоя местным властям, вызывая у них сильную головную боль еще и потому, что дела у местных индейцев процветали, особенно в части криминального бизнеса.

Люси вышла из машины у стоявшей на обочине избушки, где торговали сигаретами, и зашла внутрь. Вернулась она минут через пять с нарисованной от руки картой.

– Сначала езжай прямо, потом я скажу тебе, где свернуть.

После поворота дорога сузилась, стала петлять между деревьями. Лес здесь был более дикий и густой. Через некоторое время за деревьями блеснула скованная льдом река Святого Ааврентия.

– Это здесь! – сказала Люси, заметив небольшую оранжевую ленточку, свисавшую с ветки дерева.

Люк остановился, сдал немного назад, потом повел машину прямо к реке.

В конце пути они остановились около дорожного поста. Стоявший рядом с ним могавок бросил беглый взгляд на двух белых парней на переднем сиденье, прошел в свою будку и вышел оттуда с полуавтоматической винтовкой в руке, дуло которой смотрело в землю.

Люк открыл окно, чтобы с ним поговорить, но индеец всем весом навалился на его дверцу.

– Ну? – спросил он.

С заднего сиденья на языке ирокезов к нему обратилась Люси. Когда она кончила говорить, часовой что-то пробурчал и махнул рукой, пропуская машину дальше.

– Что он сказал? – спросил Энди.

– Надо быстро ехать мимо деревьев. Когда выедем на лед реки, нам ни в коем случае нельзя останавливаться, пока мы не достигнем другого берега, даже если кто-то от нас этого потребует, особенно таможня или конная полиция. Река замерзла, но кое-где лед может быть подмыт. Чтобы не угодить в воду, надо как следует разогнаться. Ну, Люк, давай!

Быстрая езда – понятие относительное, и в данном случае Люк руководствовался единственным принципом: ему надо было удержать свою развалюху на ходу и не потерять управление. Он разгонял машину осторожно, чтобы она не пошла юзом, хотя Люси его все время подгоняла, и когда машина разогналась до пятидесяти миль в час, всем показалось, что эта скорость вполне достаточна. Они ехали по ориентирам, которыми служили вставленные в лед сосновые ветки. Вдали возникли два снегохода, которые постепенно их догоняли, а с другой стороны показался джип, тоже двигавшийся с большой скоростью, используя преимущество двух ведущих осей. Люк прибавил газу и разогнался до шестидесяти миль, вцепившись в руль, чтобы не потерять управление. Но когда они достигли почти середины реки, их преследователи разогнались где-то до девяноста, и стало ясно, что теперь их рыдван ехал слишком медленно.

Люк утопил педаль газа в пол. Реликтовая развалина вильнула багажником. Двери и стекла отчаянно задребезжали, сквозь щели между дверями и полом обжигаяще холодный воздух заполнял кабину вихрившимися снежинками, пружины сидений отчаянно скрипели. Люк разогнал машину до семидесяти пяти миль и выругался. Впереди вдруг замаячил другой

берег – отлогим белым склоном он поднимался над белым льдом реки, но тормозной путь на льду должен был быть таким длинным, что им точно не удалось бы затормозить до берега.

– Все, нам конец, – просто сказал Энди.

– Передачей тормози, Люк, тормози передачей! – кричала Люси с заднего сиденья. Она была встревожена, но голос был вместе с тем уравновешенным и настойчивым.

– Вы там сами покрепче держитесь.

Люк говорил по-английски без сильного акцента, но, когда волновался, понять его становилось сложнее. Он тормозил, переключая скорости, что на этой тачке было делом непростым, а когда уже собрался врубить первую, коробка передач никак ему не поддавалась. Он сбился с наезженной колеи в снег, машину стало заносить, а людей в ней кидало из стороны в сторону. Люк отчаянно вцепился в баранку и продолжал бороться с непокорной коробкой передач, поворачивая машину вправо, где снег был глубже. Около самого берега реки он выдавил:

– Нет, так у нас ничего не выйдет... – и крутанул рулем так, что машину резко занесло. Задняя ее часть вильнула, как рыба хвостом, потом машина несколько раз крутанулась на льду вокруг собственной оси. Люси закричала, Энди зарычал, оба пытались удержаться на своих местах, а их развалюха вертелась под стать волчку. «Лучше, наверное, сделать по-другому», – донеслись до них слова Люка. Он перебросил машину на другую сторону колеи, снег там был глубже, и проехав еще несколько метров, она вдруг остановилась.

Но на месте она стояла не больше секунды. Люк переключил на заднюю передачу, а потом на первую, причем проделал это так быстро, что оба пассажира испугались, что коробка от этого маневра разлетится на части. Машина рванулась назад. Люк снова бросил: «Вот что надо делать», – и они опять встали на проходившую по льду колею. Он включил первую передачу и так газанул, что машина рванулась вперед, несколько раз подскочила на выбоинах и выскочила на берег.

Они проехали еще ярдов тридцать и остановились около сторожевой будки.

Люси снова опустила оконное стекло. К ним подошел индеец, державший в одной руке автомат «узи». Другой он оперся о крышу над сиденьем водителя и спросил:

– Давно водишь?

Люк стыдливо опустил глаза.

– Мне казалось, я все сделал правильно.

– Да ну? Нам бы, знаешь, надо ввести такие оценочные карточки, как бывают на соревнованиях по фигурному катанию – их часто по ящику показывают. Я бы тебе тогда поставил пять-и-два за технику и пять-и-девять за артистизм. Ну как, неслабо?

– Да, нормально. Все по-честному. Спасибо.

– Ну ладно, – сменил тему индеец, – добро пожаловать в Соединенные Штаты Америки. – Он заглянул в раскрытое окно. – Ой, привет, Люси-пуси! Как поживаешь?

– В порядке, Брэд, а ты?

– Все вроде путем. Сдается мне, правду о тебе говорили.

Это был широкий в кости мужчина с квадратным лицом, ростом под метр семьдесят, с приличным животом. На холоде, когда он говорил, дыхание его клубилось белым паром. Шнурки его зимних ботинок были распущены, их языки вываливались на мыски. Он часто переключал автомат из одной руки в другую – железо на морозе, видно, обжигало ему руки.

– А что, Брэд, ты обо мне слышал?

– Дошли до меня слухи, что теперь ты ночи коротаешь только с белыми парнями. Это правда?

От этих слов, в которых прозвучали явный вызов и неприкрытая враждебность, сидевшим в машине мужчинам стало не по себе. Дружеской встречу назвать было никак нельзя, и как минимум двое ее участников – Люк и индеец – были вооружены. Любая произвольная реплика Энди или Люка в защиту женской чести осложнялась тем, что они были на чужой

земле. Причем эта земля находилась не только в Соединенных Штатах Америки, но и на территории враждебной индейской резервации.

– Ты, Брэд, должно быть, толком не усек, что обо мне болтают, – ответила ему Люси в некоторой растерянности.

Эндрю Стетлер смотрел на нее в надежде, что у нее достанет сообразительности как-то смягчить возникшую напряженность.

– Это почему же? – спросил Брэд.

– Я сплю только с симпатичными парнями. Если в эту категорию не входят все воины могавки, которых ты знаешь, включая тебя, ничем помочь не могу. У меня есть собственные принципы.

Брэд криво ухмыльнулся, бросив взгляд в сторону Стетлера.

– Ну скажи, разве она не стерва? – спросил он его.

Было ясно, что индеец нарывается на грубость. Энди посмотрел на него, потом снова на Люси и покачал головой.

– У нее свои резоны западать на мужиков.

Охранник негромко хмыкнул.

– Люси хлебнула горя. Правда, девочка? Ее родители умерли, когда она была еще совсем маленькая. А потом ее вроде как удочерили какие-то белые. Мы рады, что она вернулась к нам обратно, пойми меня правильно, вот только мир белых людей все перемешал у нее в голове, это как пить дать.

– Я про это ничего не знаю, – сказал Энди.

Люси тряхнула головой.

– Расскажи ему, Брэд, обо всем, – резко сказала она индейцу. – Давай, поделись с ним всеми подробностями без утайки.

Брэд самодовольно ухмыльнулся.

– Ты, Люси, все еще хранишь в душе обиду. Это ясно как божий день. В сердце у тебя не светит солнце.

– А ты спой мне колыбельную! – набросилась на него Люси. – Где твои чертовы скрипки? Или тамтамы, или закури трубку мира, или что там у тебя еще есть, чтобы довести меня до слез?

Теперь он откровенно смеялся.

– Тебя и так до этого довести не трудно.

– Расскажи ему, Брэд. Расскажи, почему мои родители умерли молодыми.

Индеец резко оборвал смех.

– Белым людям не надо знать эту историю. И мне не надо ее снова слушать.

– Ты сам завел об этом разговор! Расскажи им, как воины сожгли дотла дом моих родителей...

– Никто не знал, что они были дома, Люси, мне так об этом рассказывали.

– Ну и что ты хочешь этим сказать? Что они правильно сделали, что сожгли их дом, плохо только, что там были мои папа с мамой? Слава Богу, я тогда спала в гараже. Если б не это, меня бы тоже давно не было в живых.

– Все это уже былем поросло. Тогда просто произошел несчастный случай.

– Это, Брэд, черт тебя подери, было убийство. И все из-за разницы во мнениях по этому проклятому вопросу о разделе земель. Ну, теперь ты нас пропустишь или нет?

Брэд вытянулся по струнке и стал покачивать головой, обдумывая это непростое предложение.

– Обрато ты будешь возвращаться этим же путем. Так мне, по крайней мере, сказали.

– Да, мы так договаривались.

– С полным грузовиком курева.

– И передадим все сигареты вам.

– А грузовик останется вам. Вы переедете на другой берег, а потом его привезете обратно.

А что, Люси, там, кстати, будет в этом грузовике, когда он вернется?

– Тебя, Брэд, это не касается.

– А может, коснется?

– Нет, Брэд, – ответила она ему, четко выговаривая каждое слово, – это не твое дело.

Брэд какое-то время пытался осмыслить новость.

– Ну ладно, – решил он наконец, – проезжай. Делай, что тебе надо. Только не забывай об одном. Мне не нужно, чтобы на индейской земле проливалась кровь. Если ее надо пролить, пусть она прольется в другом месте. Не накликай на нас беду, нам ваша беда без надобности. Вы все четко усвоили?

Люк с Энди послушно кивнули. Люси на заднем сиденье волком смотрела исподлобья.

Брэд крепко стукнул пару раз по крыше машины, и Люк Сегин тронулся с места.

Когда они выехали с земель индейцев на территорию штата Нью-Йорк, Энди повернулся назад.

– Ты ведь не просто не смотришь им прямо в глаза, – сказал он Люси, – ты вообще не в ладу со своими индейскими братьями. Ни о какой дружбе между вами и речи быть не может.

Люси скривила губы так, будто ей хотелось плюнуть.

– Воины спалили дом моих родителей, они убили моих маму с папой и говорят, что это была ошибка. Меня взяли из резервации на воспитание, а теперь, когда я выросла и вернулась, они хотят, чтобы я для них ноги раздвигала. Пусть даже не мечтают об этом!

– Не кипятись, девочка, – сказал ей Энди.

– Не называй меня девочкой!

– Как же мне тогда тебя называть? – спросил он. – Мисс Габриель? Мадам?

– Ты можешь меня звать... – резко начала она, но вдруг смолкла, а потом громко расмеялась, потому что была уже почти на пределе. – Зови меня просто – моя дорогая.

– Хорошо, моя дорогая, – ответил Энди и тоже засмеялся. – Так я и буду тебя теперь называть.

Люку было не до смеха, через какое-то время он спросил:

– О чем это он толковал, когда говорил, что не надо проливать кровь на индейской земле?

– Посмотришь в зеркало, – сказала ему Люси. – Да погляди же ты на себя в это чертово зеркало!

Энди взглянул на Люка, потом на Люси. Он попытался ей растолковать, почему этот вопрос так озадачил Люка:

– Люк трепетно относится к собственной крови. Кроме того, у него иногда возникают небольшие проблемы с английским.

Люси намек поняла, протянула руку и мягко похлопала Люка по плечу.

– Он ни на что не намекал, Люк. Только на то, что ты белый. Именно это ты и увидел бы в зеркале. Ему никто не говорил, что у тебя СПИД.

Не отрывая взгляда от дороги, Люк кивнул.

– Ладно, – произнес он через какое-то время.

Они продолжали путь. Энди время от времени оборачивался, чтобы посмотреть на Люси, и в конце концов спросил:

– Как получилось, что ты спала в гараже, когда была маленькой?

– Отстал бы ты от меня, – ответила она.

Дальше они ехали в молчании.

* * *

Спланировать угон грузовика для Люка оказалось плевым делом. Единственным препятствием, которое он сам не мог преодолеть, было пересечение границы, но перед возможностью свободного ее переезда по территории, контролируемой воинами могавками, он не мог устоять. Тем не менее здесь существовала одна заковыка, не дававшая ему покоя, – он никак не мог понять, что именно с этого должно было перепасть лично ему. Он решил обсудить это с Энди.

– Ты мне сказал, что я должен буду спереть в Штатах грузовик и потом отогнать его обратно.

– Правильно.

– Он весь будет забит куревом, но все сигареты мне надо будет отдать индейцам. Я верно говорю?

– Тебе заплатят.

– А ты знаешь, на сколько тянет грузовик с сигаретами?

– Ни насколько, если ты эти сигареты не продашь. В Штатах ты их продать не сможешь, потому что у тебя нет связей. И дома ты их не толкнешь, потому что без помощи индейцев тебе не пересечь границу. Поэтому ни для меня, ни для тебя эти сигареты не стоят ничего.

– Энди, я помираю, но пока еще не сдох. С какой радости я должен заниматься благотворительностью?

– Чтобы помочь людям, которые умирают так же, как и ты.

– Нет, – сказал Люк, решительно махнув головой. – Так дело не пойдет. Мне должно с этого дела что-то обломиться.

– Это благотворительная акция, за которую тебе заплатят.

– Тем, что я за это попаду в рай? Интересно, чего стоят твои гарантии?

В доводах старого тюремного кореша Энди явно был свой смысл.

– Я же сказал, Люк, тебе заплатят. Что-то вроде гонорара.

– Ладно, мы еще вернемся с тобой к этому вопросу, – ответил Люк.

На подготовку предложения у него ушло несколько дней. Он согласился угнать грузовик и, после того как индейцы выгрузят его содержимое, перегнать его в Канаду, где Люси смогла бы его переоборудовать в передвижную лабораторию. Он может стать ее водителем, как она просит, и вернуться вместе с ней в Штаты. Но после того, как операция завершится, он получит право распоряжаться грузовиком по собственному усмотрению.

– Что это значит – по собственному усмотрению? – подозрительно спросил Энди.

– Есть у меня на этот счет одна задумка.

– Какая? Мне надо это знать.

– Я так думаю, мне удастся его продать. Это и будет мой навар. Грузовик.

Зарплаты ему не хватит. Жить ему осталось недолго. А смерть, как он выяснил, удовольствие не из дешевых. Расходы у него будут немалые. Если его не берут в долю с сигаретами, он должен получить свое на чем-то другом.

– Где же ты собираешься его толкнуть?

– Есть у меня один кореш во Флориде.

– Только Люси держи от этого подальше.

– С этим проблем не будет.

Эндрю Стетлера такое условие устроило, и Люк сказал, что готов перейти к делу.

* * *

Энди с Люси высадили Люка в городке и отправились к месту встречи. Они остановились на лесной дороге, которой мало пользовались зимой, хотя ее регулярно очищали от снега. Она вела к небольшой трансформаторной станции.

– Я захватила с собой свечи, – сказала Люси.

– А я не буду выключать двигатель.

– Тогда мы здесь с тобой задохнемся. Или сождем весь бензин. Кто знает, сколько Люк там проваландается? Давай, лучше я зажгу свечи. А ты оставь в окне маленькую щелочку. Сам удивишься, как здесь будет тепло.

Когда она зажгла две свечи – одна стояла на приборной панели, а другая между двумя передними креслами, – Энди предложил ей пересесть на заднее сиденье.

– Зачем?

– Угадай.

– Прямо сейчас?

– А у тебя есть другие планы? Тебе что, кто-то назначил свидание?

Она улыбнулась и вышла из машины, а Энди, желая сделать ей приятное, в это время перебрался туда через спинку переднего сиденья.

– Как тебе здесь нравится при свечах? – спросила она между поцелуями. – Тепло, правда?

– Интересно, что случится, если мы слишком увлечемся и они упадут?

– Тогда мы погибнем, объятые пламенем. Вместе. Романтично, правда? Я тебе даже сказать не могу, сколько индейских мальчиков и девочек так погибло. Нам пора бы уже научиться на их печальном примере.

Она ответила на поцелуй, прижалась к его теплому телу, расслабилась в его возбуждающих объятиях.

– Никак не могу понять, когда ты меня дурачишь, – признался он. – Особенно когда говоришь о всяких вещах, связанных с индейцами.

– Я бы на твоём месте решила, что всю дорогу морочу тебе голову.

Он положил ей руку на грудь и страстно поцеловал в губы. Она оторопела от неожиданности.

– Здесь? – спросила она. – Но тут ведь не настолько тепло.

– Ты так считаешь? – Он отстранился от нее и стал снимать куртку, свитер и рубашку, как будто поддразнивая ее, приглашая сделать то же самое. – Давай разогреемся сами.

– Раньше я за тобой таких банальностей не замечала.

– Сегодня, Люси, не жди от меня жалости. У нас есть машина и две свечи. Мне плевать на холод за окнами.

Люси с улыбкой опустила руки и стала стягивать с себя рубашку. Ей всегда нравилась эта часть игры – тот ее миг, за которым пути назад уже нет.

– Только тебе надо кое-что иметь в виду, – предупредила она, оставшись без рубашки.

Она влезла на него, обхватила его тело ногами, склонилась и стала целовать, потянувшись руками назад, чтобы расстегнуть застежку лифчика.

– Сегодня я тоже буду беспощадна.

* * *

На окраине городка Массена в штате Нью-Йорк у служебного входа в торговый центр стоял грузовик с двумя ведущими осями и отдельной кабиной, задняя часть которой настолько возвышалась над передней, что достаточно высокий мужчина мог дотянуться до

потолка, только встав на цыпочки. Машина, как обычно, ехала из Огденсбурга, загруженная сигаретами для северных общин штата. В Массене в грузовике еще оставалось процентов девяносто груза.

Проблема заключалась в том, что Люк Сегин не знал, насколько опытным был водитель. В том районе, где он обычно угонял грузовики, ничего необычного для шоферов в этом не было. Если они перевозили курево или выпивку, им специально платили за риск, и когда машины тормозили, им хватало ума отдать ключи, когда их вежливо об этом просил бандит с автоматом наперевес, а его приятель с большой дороги целился из ружейного гранатомета в дверцу грузовика. Оружие действовало на жертву успокаивающе, и прибегать к насилию, как правило, не было нужды. Но в мирном штате Нью-Йорк лохи-водилы могли с ходу не врубаться – опыта у них, пожалуй, было маловато. Им ничего не стоило психануть или, чего доброго, заявить, что им не по нутру, что их грабят. А еще, спаси Господи, могли взбрыкнуть и дать отпор. По плану Люка операцию следовало провести быстро, внезапно и решительно. Водителю грузовика нельзя было давать на размышление ни секунды.

Шофер вышел из кабины именно в тот момент, когда Люк направлялся к ней от задней части грузовика. Они встретились где-то на уровне середины кузова.

– Иди, пожалуйста, обратно в кабину, – приказным тоном сказал ему Люк и распахнул на секунду полу пальто.

– Прости? – не понял водитель.

Да, не так он себя повел, как было надо.

– Пожалуйста, вернись в кабину. – Люк снова распахнул пальто.

– Что-то я тебя не понял, – сказал мужчина.

– Тебе не понимать надо, а в кабину вернуться!

Опрятно одетый водитель был явно озадачен, он пальцем почесывал себе шею.

– Прости, французик, я никак в толк не возьму, о чем ты тут толкуешь.

Люк напряженно соображал, почему все идет наперекосяк. Когда он волновался, у него возникали проблемы с английским. Должно быть, зря он этому малому сказал «пожалуйста» – тот его неправильно понял. А может, этот парень просто не заметил его пушку, потому что он сразу же запахивал полу пальто.

Люк распахнул его в третий раз, но закрывать не торопился. Он вынул пистолет и упер его в живот водителя.

– Пошел обратно в кабину.

До водилы что-то вроде стало доходить. Он смотрел на оружие, не отводя взгляда. Пушка такого размера, нацеленная ему в брюхо, заставила шофера оцепенеть от страха.

– Ладно, ладно, спокойно... – сказал он, поднимая руки.

– Опустит руки! Лезь обратно в кабину!

Водитель был среднего телосложения, но тем не менее весил фунтов на пятьдесят больше Люка. Ему было лет сорок, на безымянном пальце у него поблескивало обручальное кольцо. Люк понял, что малый уже не в себе, а ему надо было, чтобы тот держал себя в руках. Он довел шофера до кабины, подождал, пока тот влезет внутрь, и захлопнул за ним дверцу. Потом быстро обошел спереди грузовик и хотел уже было залезть на пассажирское место, но дверца оказалась запертой. Люк кивнул водителю, сделав ему знак открыть дверь.

Мужчина недолго подумал, наклонился и открыл дверцу.

– Правильное решение, – сказал ему Люк.

– Что тебе надо?

Он оглядывался по сторонам в поисках помощи, но поблизости никого не оказалось. Шофер даже хотел заложить руки за голову, но потом вспомнил, что ему велели опустить руки.

– Поехали, – приказал ему Люк. – Езжай туда, куда я тебе скажу. Ни о чем не беспокойся. Не думай о смерти. Если сделаешь все, как я тебе скажу, сегодня ты не умрешь.

– Тебе нужны сигареты, – дошло до водителя. Он повернул ключ в замке зажигания, движок взревел.

– Мне и курево твое нужно, – согласился Люк, – и тачка тоже. Сам ты мне без надобности. И неприятности мне ни к чему. Усек?

Неприятностей ему водитель не доставлял. Они уже выезжали из города, потом, сделав пару поворотов, свернули на безлюдную сельскую дорогу. Люк не хотел высаживать его около какого-нибудь сельского дома и продумал маршрут заранее. Он сказал, чтобы шофер ехал в лесистый район, откуда до ближайшего телефона нужно было идти пешком мили четыре, да и то если выбрать правильное направление, противоположное тому, в котором они ехали. Водитель остановил грузовик у перекрестка и взглянул на Люка, все еще опасаясь, что тот его застрелит.

– У тебя теплая куртка есть? – спросил его Люк.

– Да, за моим сиденьем.

Люк пошарил рукой за сиденьем, вынул куртку и передал ее водителю.

– Тут еще теплые ботинки. Они тебе нужны?

– Да, конечно. – Люк сбросил их из машины. – Спасибо.

– Тебе здесь еще что-нибудь надо?

– Там еще перчатки мои между сиденьями.

Люк передал их высаженному на снег шоферу.

– Мне бы еще ключи от дома хотелось получить. Они на том же брелке, что и ключи от машины.

Не вынимая связку из замка зажигания, Люк снял ненужные ему ключи и бросил их хозяину.

– Там еще в кармашке за козырьком фотографии моих детей.

Люк аккуратно передал ему в руки снимки, чтобы не уронить их в придорожный снег.

– Спасибо.

– Не за что. Ну что, все? – Мужчина пожал плечами. – С тобой все в порядке?

Мужчина снова пожал плечами, но то ли от страха, то ли от того, что у него спало напряжение, то ли от снимков детей у него на глаза навернулись слезы.

– Застегни куртку, – сказал ему Люк. – Не простудись.

Машина тронулась с места. Проехав около мили, он увидел, как впереди на дорогу выехала его собственная машина, за рулем которой сидел Эндрю Стетлер, а на заднем сиденье – Люси Габриель. Она обернулась и увидела грузовик. Обе машины продолжали ехать по сельской дороге друг за другом в сторону резервации.

Люк был рад, что на индейской земле не было пролито крови, что все прошло без сучка и задоринки. Он понятия не имел, сколько ему еще в этой жизни отмерено совершить преступлений. Время обретало для него все большую ценность.

Глава 4 Отчий дом

В тот же день, понедельник, 20 декабря 1998 г.

Сержант-детектив Эмиль Санк-Марс вед машину по внутренним районам провинции, проезжая знакомые ему с детства маленькие городки, холмы, поля и леса его юности. Он ехал к своему родовому гнезду, где жил его отец, где оба они родились, – в село Сен-Жак-ле-Мажор-де-Вольфстаун. Если дороги расчищены от снега, такое путешествие к северо-западу от Монреала может занять меньше двух часов. На сердце у него кошки скребли. Эта поездка в родительский дом была печальной, он знал, что она могла стать последней, когда он застанет отца в живых. Его отец умирал.

Старший Санк-Марс – Альберт хотел с достоинством окончить дни в собственном доме, в своей постели, и настоял на том, чтобы его выписали из больницы. Представляя себе, как это происходило, его сын чуть заметно с грустью улыбнулся. Ему почему-то стало жаль врачей и сотрудников больницы, которые не могли не попытаться урезонить отца, но он, конечно, грубовато их отшил, не особенно стесняясь в выражениях. Альберт Санк-Марс не питал никаких иллюзий относительно своего состояния – он должен был скоро умереть, но из-за стремления воздать дань собственной жизни, из-за храбрости и чувства собственного достоинства он сам настоял на том, чтобы избрать место для этого важнейшего события. Продолжая путь, сын подумал о том – на этот раз без намека на улыбку, – что отец хотел превратить свою кончину в памятное событие.

Альберт позвонил сыну и сказал, что если тот хочет поговорить с ним еще раз, сделать это можно теперь или никогда. Если им еще было что обсудить, настало время это сделать.

– Эмиль, дай своим ворах возможность спокойно подсчитать награбленное. Пусть хоть одну ночь убийцы смогут выспаться – может быть, потом на свежую голову они поймут, что творят. Всем бывает нужен хоть день передышки. Приезжай домой, детектив, навести своего старика.

– Что стряслось, папа? Ты же знаешь, какие у меня дела. Именно теперь я сильно занят.

– Я тоже занят, детектив. Уже собрал чемоданы. И в паспорт мне поставили печать. Я принял приглашение постучать в ворота Святого Петра, и теперь из всех времен у меня осталось только настоящее. Знаешь, сынок, под Рождество всегда много суеты. Даже для тех из нас, кто уже стоит у порога смерти. Приезжай до праздника. Я не могу рисковать.

– Папа... – На него вдруг пудовой тяжестью навалилась боль неизбежной утраты, ему стало стыдно за глупый предлог, под которым он хотел увильнуть от встречи с отцом.

– Месяц. Мне остался один месяц. Еще на один я могу только поспорить. Но если я проиграю, как получит свой выигрыш победитель? Проще говоря, этот спор я проиграть просто не могу. А пока, Эмиль, я дома.

– Ты дома? Тебя выписали из больницы?

– Я сам настоял на этом. У меня здесь сиделка. Мне хочется умереть в доме, где я родился. Ты же меня знаешь – я люблю гармонию.

Гармонию. Отец, должно быть, по привычке все еще цеплялся за какие-то образы и представления, хоть время его вышло.

Подъезжая к Сен-Жак-ле-Мажор-де-Вольфстауну, Эмиль Санк-Марс старался совладать с охватившим его волнением. Еще не пришло время горевать, утешал он сам себя, горе ждет его впереди. Ясно было, что, пока отец в здравом уме и твердой памяти, он такой же находчивый

и рассудительный, каким был всегда. Слезы будут позже. Теперь – последние слова. Слова, идущие от сердца.

Эмиль Санк-Марс оставил машину у обочины перед отцовским домом. Дорожку, которая вела вдоль здания к обветшавшему гаражу, расположенному в глубине участка, покрывал снег. Его давно не убирали, и, скорее всего, теперь он так и будет лежать здесь до весны. Ехать старику было больше некуда. А дорожку до крыльца и само крыльцо, наверное, будет чистить сосед. Типично квебекская архитектура – ступеньки начинались почти на обочине, потому что в таком климате никому не доставляет особого удовольствия чистить снежные заносы. Детектив поднялся по ступенькам в дом своего детства, наполненный тенями былых времен, память причудливо будила в сознании воспоминания о молодом отце, об их взаимной любви – терпеливого папы и неугомонного сынишки; гордого отца и уставшего от мирской суеты взрослого сына, – блики прошлого сутулили ему плечи, били по нервам, наполняя сердце печалью.

Детектив вошел в дом без стука.

Первое, что его поразило – хоть он мог бы это предвидеть, – была отцовская кровать, перенесенная сверху в гостиную, на тот ее пяточок, куда падало солнце, совсем рядом с прихожей. Теперь отцу не надо было подниматься на второй этаж, здесь ему было удобнее. Через широкое окно он мог смотреть на улицу, рядом стоял телевизор, из кухни доносились манящие ароматы готовящейся еды. Правда, здесь было дальше до уборной, но, если с ним все время оставалась сиделка, он, наверное, все равно по привычке пользовался уткой.

Эмиль вошел тихо, ему не хотелось беспокоить отца.

Голова старика покоилась на подушке, вид у него был неважный. Лицо заострилось, цвет седых волос напоминал цвет снега во дворе. Казалось, он спокойно спит, несмотря на подставку с раствором для внутривенных вливаний и кислородную подушку, от которой тянулась прикрепленная к носу трубка. От шагов Эмиля пол заскрипел, он застыл на месте. Отец слегка повернул голову, открыл глаза. Он еще ничего не сказал, казалось, даже не успел узнать сына, но уже улыбнулся. Неважно, кто к нему заглянул на огонек, улыбка Альберта предназначалась каждому, кто решил его навестить. Даже если бы сама смерть вторглась к нему с таким же шумом, подумал Эмиль Санк-Марс, у отца нашлась бы улыбка и для нее.

Отец несколько раз быстро моргнул, как будто хотел лучше разглядеть вошедшего.

– Это ты, детектив? – спросил старик. – Таким высоким можешь быть только ты.

– Да, папа, это я. Ну, как ты?

– Сонный. А так – ничего. Подойди поближе, Эмиль.

У Альберта не хватило сил поднять руку, чтобы обменяться с сыном рукопожатием. Эмиль склонился над отцом и поцеловал его в щеку, потом взял за руку. Через несколько минут он почувствовал, что к старику после сна возвращаются силы. Большая, костлявая рука сжимала его руку, они застыли так минут на десять, потом Эмиль встал и снял наконец зимнюю куртку.

Он зашел на кухню и увидел там сиделку, раскладывавшую пасьянс. Она не заметила, как он вошел. Когда Санк-Марс был еще мальчиком, в отцовском доме карточные игры всегда были под запретом, он вспомнил об этом и хотел уже было одернуть сиделку, но вовремя спохватился. Его замечание прозвучало бы просто глупо, да и отец вполне мог бы на него за это рассердиться – ведь не все запреты его молодости прошли проверку временем. На самом деле их осталось совсем немного. Санк-Марс заварил чай себе и отцу и отнес чайничек с чашками в комнату на серебряном подносе. Это вызвало в нем печальные воспоминания другого рода, потому что перед ним вдруг всплыл образ матери, которая всегда приносила мужу чай на этом же подносе. Она скончалась уже больше десяти лет назад.

– Папа, я принес чай.

– Прекрасно!

Санк-Марс нажал на рычаг, поднимавший изголовье кровати, отец оказался почти в сидячем положении, потом подвинул к кровати свой стул. Он разлил чай по чашкам, и оба мужчины стали неспешно его потягивать в знакомой уютной атмосфере старого дома.

– Эмиль, – начал Альберт Санк-Марс, – я хотел тебе кое-что сказать.

Французский язык всегда составлял важную часть жизни Альберта. Он, конечно, прекрасно знал местный его диалект, но очень следил за хорошей дикцией, правильным произношением и подбором самых точных слов. Эта привычка прочно укоренилась в нем за долгую жизнь, не изменил он ей и теперь. Голос его был слаб и глуховат, он часто делал паузы, чтобы не сбить дыхание, но каждое слово выговаривал отчетливо и точно, оттеняя каждый звук, и с предельной ясностью выражал свою мысль. Санк-Марс подумал, что одной его дикции должно было быть достаточно, чтобы попасть в рай.

– Мне тоже хотелось тебе что-то сказать, папа, – ответил он отцу.

– Сначала – моя очередь, – сказал старик. – Я собирался это сделать со смерти твоей матери. Но ты, Эмиль, слишком сильно горевал на похоронах, был таким же потерянным и подавленным, как и я. Мы редко думаем так о себе, но тогда я понял, что, когда придет моя очередь, ты тоже очень расстроишься. Так уж мир устроен, но когда ты отец, легко забыть, что это значит для сына.

– Да, папа, я буду сильно горевать. Я и сейчас уже печалюсь. Ничего не могу с этим поделать и бороться с этим не могу. Но, понимаешь, когда у тебя горе, ты горюешь по другим. Это со временем проходит. Я не забуду тебя никогда, но от горя когда-нибудь оправлюсь.

– Да, да, – нетерпеливо повторил Альберт, – ты всегда пытаешься делать выводы, детектив, это одна из твоих ошибок.

Санк-Марс улыбнулся. Душа отца даже на пороге кончины ничем не отличалась от души младенца.

– Продолжай, папа. Обещаю больше тебя не перебивать.

– Спасибо. Я много раз говорил тебе, Эмиль, что мне хотелось стать священником. Я и тебя уговаривал пойти в священники. Мне хотелось, чтобы тебе на долю выпала такая жизнь, в которой мне было отказано.

Санк-Марс уже много раз слышал эту историю. Осуществить свое призвание отцу помешала война. Он решил принять в ней участие, поскольку таков был его нравственный выбор, реакция на пожар разгоревшейся в Европе трагедии, хотя в Квебеке его многие не понимали. Вернулся он до окончания войны, потому что был ранен, хоть и не в сражении. Его младший брат уже учился в семинарии, отец постоянно хворал, и ему пришлось кормить всю семью. Вскоре Альберт влюбился и женился, потому что его невеста уже ждала ребенка.

– Когда мама твоя от нас ушла – не знаю, почему это раньше до меня не доходило, – я понял, что всю жизнь говорил тебе грубости.

– Папа...

– Ты же обещал мне, – Альберт откинулся на подушки.

– Прости. Продолжай.

– Так что же, получается, что мне было бы лучше стать священником? Как это понимать? Разве должна была моя жена считать, что наш с ней брак стал для меня слабым подобием церкви? Или мой сын должен был думать, что лучше бы он не родился?

Санк-Марс так пристально и долго смотрел отцу в глаза, что тот первым отвел взгляд в сторону.

– Жизнь, которую я прожил, – сказал Альберт Санк-Марс, снова собравшись с силами, – была такой, какую предначертал мне Господь, она оказалась гораздо лучше, чем та, которую я сам себе мог представить. Господь благословил меня женой и сыном. Я не заслуживал такого счастья.

Санк-Марс коснулся щеки отца и смахнул большим пальцем выкатившуюся из глаза слезу. Почувствовав, что справился с охватившими его чувствами, он склонился к отцу, чтобы сказать ему, что собирался, не растворив силу слов ни в горе, ни в волнении. Он прошептал отцу на ухо:

– Ты – мой отец. Я прожил жизнь совсем не так, как ты, но ты всегда вел меня по ней. Я люблю тебя. Спасибо тебе.

Через несколько минут, когда сиделка убрала чашки, Альберт сделал сыну жест рукой, привлекая его внимание.

– Мне нужно, детектив, чтобы ты сделал своему старику еще одно одолжение.

– Что ты хочешь, папа, чтобы я для тебя сделал?

– Мне нужно, чтобы ты поработал детективом для меня.

Санк-Марс слегка опешил.

– Зачем? У тебя что-то пропало? Тебя ограбили?

– Эмиль, я благодарю Бога за то, что ты не стал священником. Церковь в наши дни переживает не лучшие свои времена. Я рад, что ты, как и я, остаешься в лоне матери-церкви, поддерживаешь ее, но какое это, должно быть, удручающее место для священнослужителя! И здесь в округе так мало священников. Во многих приходах их вообще нет. А в других остались только пройдохи. Эмиль, время мое выходит. Когда настанет час соборования, мне хочется услышать слова человека, который в них верит. Я хотел бы услышать их от Божьего человека, а не от растлителя несовершеннолетних. Так что, Эмиль, сослужи и мне службу – поколеси по нашей округе, найди мне ближайшего священника, который бы соответствовал своему сану.

– Соответствовал сану? – не понял сын.

– Который бы меня не обидел. Мне бы не хотелось в последние минуты жизни бранить священника. Или прикусить себе язык, чтобы этого не сделать. Я хочу, чтобы меня успокоила искренность доброго человека, а не огорчила его глупость.

Санк-Марс кивнул. Он все понял.

– Я найду тебе священника, папа.

– Спасибо тебе, детектив. Это будет нелегко. Такого человека сможешь найти мне только ты. Ты ведь знаешь, что я горжусь своим сыном-детективом, правда?

Санк-Марс нежно сжал руку отца обеими руками.

– Когда ты в первый раз назвал меня детективом, папа, мне послышалась в твоем тоне нотка пренебрежения. Не переживай, ты не мог меня провести. А спустя годы я понял, что твой тон изменился. Я знаю, что ты стал мной гордиться.

Старик с трудом пожал плечами, и Санк-Марс понял, что на прощание он хотел в последний раз пошутить:

– Кто бы, интересно, таким сыном не гордился? Тебя ведь даже по телевизору показывают!

Они оба усмехнулись, но Санк-Марсу вдруг стало больно до слез от осознания того, что они уже сказали друг другу все, что хотели. Очень хорошо, что отец, который всегда вел его по жизни, на прощание загрузил его работой. Он не дал ему возможности беспомощно оставаться наедине со своим горем в ожидании его кончины, возложив на него ответственную задачу, которую нельзя было не исполнить.

Он зашел на кухню, взял бутерброд и расспросил сиделку о состоянии отца. Та уверила его, что боли и неудобств он не испытывает. Благодарный ей за эти слова, Эмиль Санк-Марс поехал на поиски достойного священника. К этому заданию он отнесся с такой же серьезностью и решительностью, с какой относился к выслеживанию преступников, и в тот же день нашел того, кого искал.

Глава 5

Кулак в небеса

Две с половиной недели спустя, четверг, 6 января 1999 г.

Переделывая грузовик под передвижную лабораторию, Люси Габриель была ограничена не в расходах, а во времени и в технических средствах. Электричество поступало от нескольких аккумуляторов, заряжавшихся от двигателя. А при необходимости в высоком напряжении можно было подключиться к розетке переменного тока. Электрик объяснил ей, что генератор можно установить только на крыше, и отговорил ее от этой затеи, рассказав о проблемах, связанных с его техническим обслуживанием. Поэтому ей предстояло ограничиваться лишь небольшим холодильником и обходиться только самым необходимым.

Чтобы в лаборатории было светлее, ее стены и потолок в кузове грузовика покрыли слоем белой краски. Поскольку Люси надо было защитить лабораторию от любопытных взглядов, в боковые окошки и два небольших окна на крыше она вставила тонированные стекла, чтобы они пропускали свет, но защищали помещение от ярких лучей южного солнца. К стенам кузова грузовика в его задней части привинтили шкафы с выдвижными запирающимися ящиками и полки для хранения документов, а в передней смастерили двухъярусные кровати, у каждой из которых сделали маленькие оконца и вентиляцию. Эта жилая часть помещения была отделена от самой лаборатории занавеской. Люси рассчитывала, что в основном они будут ночевать в мотелях, а эти удобства считала дополнительными на тот случай, если захочется покемарить во время долгого дневного переезда или обстоятельства вынудят их заночевать в городских трущобах.

Третья откидная скамья проходила вдоль борта кузова – на ней могли сидеть пациенты, у которых Люси брала кровь, или можно было отдохнуть после того, как они приняли многочисленные лекарства, которыми она собиралась их пичкать. На заднюю дверцу машины она поставила внутренний замок.

Внешне грузовик изменился мало – были перекрашены дверцы, название компании изменили с «Огденсбург» на «Шамплен». Эндрю Стетлер достал новые номера штата Нью-Йорк и где-то раздобыл фальшивые документы на машину и страховку на эти же номера.

– Как тебе это удалось? – спросила его Люси.

– Лучше не спрашивай, – ответил он.

– Почему?

– И этот вопрос никогда мне не задавай.

– Почему?

– Потому что, Люси, – стал кипятиться он. – Не задавай, и все.

Раскрутить этого парня было почти невозможно.

– В воображении тебе не откажешь, – не без доли иронии заметила Камилла Шокет, заглянув посмотреть, как у Люси идут дела.

Они подружились в тот день, когда Люси начала работать в «Хиллер-Ларджент Глобал». Общий интерес женщин к науке был настолько велик, что толкал их за пределы привычного образа жизни. Приемный отец Люси был врачом, который какое-то время работал в ее резервации. Именно он привил ей страсть к знаниям. Камилла выросла в небогатой семье, и образование далось ей нелегко.

– Я только добавила кое-что, – ответила Люси.

Камилла усмехнулась.

– Первый раз ты ездила в Штаты на своей машине. Потом одолжила у кого-то микроавтобус. Теперь ты туда собираешься в угнанном грузовике с личным шофером. А как ты туда поедешь в следующий раз? В роскошном туристическом автобусе?

Теперь улыбнулась Люси.

– Вообще-то я надеюсь туда полететь на частном самолете.

– Ну да, а у трапа тебя будет ждать личный лимузин.

– Да, с бассейном у заднего сиденья.

– Теперь ясно – такой небольшой дворец на колесах с кондиционером и личной массажисткой, – не унималась Камилла.

– Да, массажистку я, пожалуй, оставлю, но в таком дворце в Гарлеме не поеду.

– В Гарлеме ты, по крайней мере, будешь индианкой. А я, когда там окажусь, буду всего лишь белой швалью.

– Да, Камилла, но очень привлекательной белой швалью, – съязвила Люси.

– Думай, подружка, что мелешь.

Они обе работали в лаборатории и с самого начала были связаны с этим необычным проектом. Камилла представила Люси Вернеру Хонигваксу, президенту той фармацевтической компании, где она работала раньше. Люси не очень разбиралась в отношениях между двумя компаниями, хотя Камилла вроде была в курсе дела. Несмотря на то что фирмы были конкурентами, в работе над некоторыми проектами они сотрудничали. Люси напомнила Камилле по дороге на встречу с президентом «БиоЛогики», что у нее уже была работа.

– Ты с ним просто поговори, – наставительно сказала подружка. – Он, знаешь, спит и видит, как бы ему встретиться со знаменитой индейской бунтовщицей. Я обещала его с тобой познакомиться.

Хонигвакс, как показалось Люси, был своего рода харизматическим лидером, но в самом мерзком бюрократическом понимании этого слова. Он отнюдь не пытался казаться обаятельным, держал себя напыщенно, с начальственным пафосом, весь его ухоженный внешний вид и отличная физическая форма почему-то вызвали у Люси ассоциации с дорогой недвижимостью. Когда он улыбался, лицо его становилось круглым и бодрым, хотя сам он производил впечатление человека, витающего в облаках. Люси всегда считала, что ни должность человека, ни его благосостояние не могут на нее повлиять, но его движения ее чем-то привлекали, как и лукавство, которым светилась его улыбка. Еще ее поразило, как много он знает о ней и о беспорядках, случившихся по другую сторону реки от его углового кабинета.

– Ты очень храбрая девушка, – сказал Хонигвакс, и Люси почему-то показалось, что он собирается ее соблазнить.

Готовясь к встрече, она одела простое сиреневатое летнее платье до колена, разрисованное большими цветами гибискуса. Она знала, что эти тона прекрасно оттеняют красновато-медный цвет ее кожи.

– Одним людям на роду написано быть храбрыми, другим – иметь кабинеты на верхнем этаже.

– Храбрость в нашей работе иногда может быть очень полезна безотносительно к этажу, на котором работаешь.

– Правда? – недоверчиво спросила девушка.

– Мир сейчас переживает кризис, Люси. В Африке каждый год умирают миллионы людей. У нас люди мрут тысячами. – Говоря ей об этом, он жестикулировал, яростно тыча пальцем в воздух. – Мы – я, ты, Камилла – те люди, которым выпала честь найти лекарство от этой напасти, и нам надо это сделать быстро.

– Да? – усомнилась Люси, ошарашенная его словами. – Вы – наверное. Другие – возможно. А я тут ни при чем. В «Хиллер-Ларджент» я только отделяю плазму от кровяных телец.

– При желании ты могла бы играть в этом проекте более важную роль.

– Вы хотите сказать, если бы я ушла из «Хиллер-Ларджент» и стала работать в «БиоЛогике»? – В голове девушки мелькнула мысль, что о какой бы работе ни вел разговор ее собеседник, его интересовало лишь то, что ей при этом придется перед ним раздеваться.

Резким взмахом руки он как бы сразу отклонил ее вопрос о перемене места работы.

– Здесь или в «Хиллер-Ларджент», не имеет никакого значения. Важно, Люси, присоединиться к этой битве за спасение человеческих жизней.

Ее так и подмывало задать вопрос о том, что ей надо делать, чтобы спасти эти жизни. Но вместо этого она только спросила:

– Как?

Не успела она это произнести, как поняла, что дала ему возможность заманить себя в сети, которые он для нее искусно расставил, а как только ему это удастся, изменится вся ее жизнь.

Когда позже в тот день Люси вышла с Камиллой из «БиоЛогии», она слегка поддела локтем новую подругу.

– Ты с ним спишь?

– Надо же, какая ты у нас любознательная! А ты бы на моем месте отказалась? – Камилла к встрече специально не готовилась, она пошла на нее в обычной одежде – белой кофточке и синих брюках.

– Если он уже спит с моей лучшей подругой, конечно, я бы отказалась.

– Я раньше с ним познакомилась. Поэтому я, по крайней мере, первая в очереди, если, конечно, не считать его жену.

– Вот и хорошо. Он не в моем вкусе.

– Да, ты права.

Несколько недель спустя Камилла сказала Люси, что ее отношения с Хонигваксом закончились. В детали она подругу посвящать не стала. Люси уже начала было подумывать о том, чтобы встать в ту очередь, из которой вышла Камилла, но это намерение так и не было приведено в исполнение, хотя ее работа над особым проектом развивалась по нарастающей. Она продолжала считать, что это был его особый проект, хотя сам Хонигвакс никогда не распространялся о своей роли в проекте или о собственном в нем участии.

Камилла была непосредственной начальницей Люси и ее главным связующим звеном с работой в этом направлении. Иногда она говорила с Рэндалом Ларджентом о некоторых проблемах общего характера, но все конкретные распоряжения, касавшиеся работы над проектом, она получала от Камиллы. Как и от кого получала указания сама Камилла, Люси не знала и особенно этим не интересовалась, понимая, что такого рода информация разглашению не подлежит. Эта таинственность делала работу в ее глазах еще более интересной. Она не приставала с расспросами к Камилле, хотя точно знала, что той известно гораздо больше. У нее был свой важный участок работы, который состоял в том, чтобы обеспечивать больных еще не прошедшими проверку лекарствами, но как они попадали к Камилле, оставалось для Люси тайной.

В какой лаборатории разрабатывались эти лекарства, какие ученые были вовлечены в проект, кто из руководства «БиоЛогии» и «Хиллер-Ларджент» знал, что действие этих средств должно быть проверено на людях, – эти вопросы оставались для нее тайной за семью печатями то ли по причинам безопасности, то ли просто потому, что кто-то хотел утаить от нее информацию. Люси по этому поводу особенно не переживала. Она небезосновательно считала, что многие из тех, кто стоял значительно выше нее по служебной лестнице, тоже понятия не имеют о том, что именно на ней лежала ответственность за переправку этих медикаментов через южную границу и доставку их больным. В общем, правая рука не знала, чем занимается левая. Так тому и быть.

Естественно, что у них с Камиллой возникали разные соображения относительно цепочки субординации в рамках этого проекта, они знали, что в него вовлечены Вернер Хониг-

вакс и Рэндал Ларджент. Но, насколько было известно Люси, между мужчинами и женщинами, участвующими в нем, никаких непосредственных контактов не было. Любой, кто попытался бы проследить действия женщин, не смог бы найти никаких прямых связей с мужчинами, а любое расследование, которое проводилось бы сверху вниз, неизбежно завело бы в тупик.

Переоборудование грузовика уже было почти завершено. Люси хотела, чтобы пол застелили фанерой, поскольку ходить по гофрированному алюминию было неудобно. Кроме того, нормальный пол был просто необходим для тех, кто передвигался в инвалидных креслах или на каталках.

Когда Камилла осматривала переделанный грузовик, ей, видимо, пришла в голову игривая мысль, и она вкрадчиво улыбнулась.

– Ты что? – спросила у нее Люси.

– Тебе нравится этот парень?

Грузовик стоял на улице. Они дрожали в своих куртках от холода.

– Какой?

– Какой... Король Англии, вот какой. Энди, конечно!

– Нравится, – нехотя призналась Люси. – С ума я по нему не схожу, но он забавный. Он... даже не знаю, как тебе сказать...

– Что?

Люси пожала плечами.

– Он скрытный. Понимаешь? В нем есть какая-то тайна. Мы несколько раз у меня встречались, но к себе он меня никогда не приглашал. Он мне даже не говорил, где живет. Я его спросила, может, он прячет дома жену и детей, а он мне сказал, что живет с матерью. Камилла! Он же срок уже отмотал, а все еще живет с матерью! Странно, тебе не кажется?

– А как он в постели? – не отставала от нее Камилла.

Люси так закатила глаза, будто была на седьмом небе от счастья.

– Да неужели?

– Он знает, как обращаться с женщинами. Крутой парень. Сама можешь представить. Поверь мне на слово, рано или поздно мы с Энди расстанемся, он из тех, кто надолго не задерживается. Вот ты его и проверь, когда время настанет. Я возражать не буду.

– Я уже занята, – утомилась наконец Камилла.

Люси пристально на нее посмотрела.

– Так что, у тебя, выходит, с этим полицейским все серьезно?

Камилла усмехнулась, подтверждая догадку Люси.

– Я знаю, что у тебя на уме. Чарли, конечно, коротышка, но он хороший парень. Разве этого мало? И с дочкой моей он хорошо держится. Кэрол хочет, чтобы он стал ее папой. Да и я против этого ничего не имею.

Люси чмокнула подругу в щеку.

– Надеюсь, у тебя все получится.

Они обе спрыгнули с грузовика, не воспользовавшись подъемником, и вместе вышли со стоянки. Люси, одолжившая машину на весь день Энди, попросила подругу подбросить ее домой. Камилла была лет на пять старше Люси и потому чувствовала себя лидером, собранным и рассудительным, что подчеркивали короткая стрижка и точеная фигурка. А расхлябанная походка Люси, ее длинные, небрежно зачесанные иссиня-черные волосы как бы подчеркивали ее независимый характер и самостоятельность. Но все различия между ними сводились на нет общей преданностью проекту.

– Как там у тебя продвигаются дела? – спросила Люси, садясь в машину.

– Совсем неплохо. Мы уже со многими договорились. Тебе обязательно надо будет побывать в Нью-Йорке, Филадельфии и Балтиморе. Сейчас мы работаем с Ньюарком и Атлантой.

– Без Ньюарка я вполне могла бы обойтись.

– В паршивых городишках люди тоже болеют и умирают, – заметила Камилла. – В любом случае, ответ я получу сегодня. Ты уедешь вечером в понедельник.

– Что? Ну, ты даешь! Почему так скоро?

Камилла включила зажигание своей «Мазды-626» и негромко сказала, как бы стремясь заглушить слова шумом двигателя:

– Лекарства будут готовы завтра, в крайнем случае к субботе. Кодовое название проекта – «Гаснущая звезда». Для страховки возьмем еще воскресенье. Я все проверила. На этот раз процедура будет немного сложнее.

– Почему так получилось?

– Разным людям нужны разные средства – дозы, комбинации надо поменять. Все зависит от стадии заболевания. На этот раз ты будешь играть роль врача.

Люси кивнула, в ее глазах отразилась непоколебимая решимость.

– Я с этим справлюсь.

Камилла улыбнулась.

– Мы знаем, что ты справишься, – заверила она подругу.

– Мы? – удивилась Люси.

Как это ни странно, ей показалась, что вопрос сбил подругу с толку.

– Ты же знаешь, – сказала она. – Я говорю обо всех.

– Кто же эти все? – не отставала Люси.

Она не понимала, какую роль в этой операции играет Камилла, и это вызывало у Люси раздражение. Она никак не могла уяснить, была ли Камилла таким же исполнительным рядовым ее участником, как и она сама, или ее допускали к стратегическому планированию. Обычно Камилла держала себя с ней как равная, и, конечно, она не кривила душой, но временами становилось ясно, что она знает о проекте в целом больше и подробнее, чем Люси. Сам по себе факт, что именно Камилла ее втянула в это дело, свидетельствовал о том, что на нее были возложены достаточно серьезные обязанности. Она была в близких отношениях с Хонигваксом, причем, несмотря на ее заверения, Люси не была уверена, что эти отношения действительно закончились. На самом деле такого рода подробности Люси не особенно волновали, но они ее чем-то будоражили, почему-то раздражали, она в чем-то завидовала подруге, потому что после всей их совместной работы, после того риска, который выпал на ее долю участия в этом проекте, ее близко не допускали к той информации, которая уже давно не была секретом для Камиллы. Ей казалось, что подруга иногда бывает с ней неискренна, что, если бы ей доверили более важную работу, она бы совсем по-другому хранила тайны от близкого ей человека.

– Сама знаешь.

– Нет, не знаю. Кто такие эти все?

Камилла пристально взглянула ей в глаза.

– Вернер знает, что я еду? Это он здесь всем заправляет?

– Люси...

– Кто еще? Кто эти все?

– Рэндал Ларджент, – Камилла снова стала нервничать, назвав еще одно имя.

– Это и так ясно, а кто еще? – настаивала Люси на своем.

Она в принципе признавала необходимость конфиденциальности при проведении такой операции, но вместе с тем ее задевало недоверие, с которым к ней относились.

– Энди.

– Ты говорила об этом с Энди? Так это он считает, что я буду хорошим врачом?

– Люси...

– Что?

– Ты же сама все понимаешь.

– Нет, теперь я вообще ничего не понимаю. Получается, Энди знает больше меня? Мне нужно, Камилла, чтобы ты мне это объяснила.

Камилла закрыла глаза и потерла их большим и указательным пальцами правой руки.

– Люси, есть такие вещи, о которых я не могу с тобой говорить, и не жди от меня ответов. Пусть все остается как есть.

Люси задумалась над словами подруги. Потом рассеянно кивнула, будто согласившись с ее доводом. По правде говоря, тайна, окружавшая этот проект, ее к нему и привлекала. Она вообще обожала всякие секреты. Ведь как ни крути, но именно ей в операции была определена роль на самом передовом рубеже. Единственная роль, разыгрывая которую можно было и в самом деле попасть головой в петлю. При мысли об этом ей немного полегчало, и она смирилась со своим положением.

– Ладно, поехали.

– Только не строй из себя униженную и оскорбленную.

– Да я и не думаю. Давай, двигайся, хорошо?

– Люси...

– Да поедем мы когда-нибудь или нет?

Пять дней спустя, ночь с понедельника на вторник, 11 января 1999 г.

У них не было выбора – ехать предстояло ночью. Люк опять подобрал Люси около дома, потому что их путь проходил по проселочным дорогам вдали от пунктов досмотра грузовиков и полицейских постов, где могли бы остановить и проверить машину. Грузовик был в отличной форме. Перевозка сигарет никак не сказалась ни на состоянии подвески, ни на надежности тормозов. Но шума от него было много.

И Люк, и Люси по дороге к границе все больше молчали. Люси чувствовала себя измотанной и утомленной. Как обычно, она работала в выходные, на этот раз проверяя противотечные средства на гриппозных больных. Испытуемые оставались там все воскресенье, и это давало Люси возможность лучше усвоить правила приема лекарств, которые она везла с собой на юг. В то утро, позавтракав кофе с булочками, она выписывала грязных, сопливых пациентов, а днем – в промежутках между накатывавшими приступами беспокойства и возней с лекарствами – ей удалось немного покомарить.

Люк запомнил путь, который вел по индейским землям к берегу реки. Для ночного проезда по льду на грузовике инструкции были другие. Из всех машин, пересекавших границу, патрули, естественно, прежде всего интересовались именно грузовиками, поэтому ехать надо было быстро, с выключенными фарами, ориентируясь на еле мерцавший на другом берегу голубой огонек сигнального маячка. Ночью, конечно, никто здесь не ждал блюстителей закона, поэтому переехать через реку надо было до их возможного появления, а в самом крайнем случае предстояло переехать их самих.

Фары и подфарники были выключены, Люк ждал на берегу. Вдали еле различимо мерцал голубой огонек.

– Только не вздумай никого сбивать, – шепнула ему Люси.

– Я не собираюсь в тюрюге копыта отбросить.

– Индейцы больше языком болтают. Совсем не обязательно кого-то сбивать.

– Я все сделаю, чтобы этого не случилось. Если они за нами увяжутся, мы дадим деру.

А если меня подстрелят, я помру.

– Никто тебя не просит быть дурацким мучеником. Тебе просто надо переехать реку по льду.

– Ты готова? – Люк врубил первую скорость.

– Всегда готова.

- Голубой маячок видишь?
- Да. А ты? Мы прямо напротив него.
- Теперь вижу. Ну, погнались.

На этот раз он уже представлял себе, какую надо держать скорость. Месяц то появлялся, то исчезал среди летевших по небу облаков, поблескивая время от времени серебром на кузове и кабине грузовика. Люк вел машину уверенно, быстро, хоть обзор был сильно затруднен скудным освещением, взгляд его был прикован к маячку на другом берегу.

- Какая скорость? – спросил он, не рискуя оторвать глаза от ледяной дороги.
- Шестьдесят. Шестьдесят пять.

Как и на первой его развалюхе, на которой они переезжали реку, американский грузовик показывал скорость в милях.

Грузовик продолжал разгоняться. Когда он чуть-чуть сбивался с колеи, чувствовалось, как тяжелая машина приминает свежий снег, но ее хотя бы не заносило. Скоро он понял, что машина идет по выбитым во льду колдобинам, а отклонение от колеи стал определять по звуку.

- Семьдесят пять, Люк. Ой, Люк, уже восемьдесят! Господи, спаси нас и сохрани!

Когда пришло время притормаживать, Люк уже выжимал девяносто миль, тормоза на такой скорости были бесполезны, поэтому на подъезде к другому берегу ему удалось сбросить скорость, переключая передачи, и со льда на склон он поднялся, когда стрелка спидометра уперлась в цифру тридцать. Не включая фары, он въехал в темный лес, смутно различая дорогу, и вскоре остановился у сторожки индейского поста.

Брэд вышел из хибарки и вскочил на подножку кабины, а Люк уже опускал оконное стекло.

- Привет, Люси. Как дела?
- Хорошо. А твои как?
- Отлично.
- Ты сегодня, я вижу, в ночную смену.
- Да, Люси, делаю что могу для своего народа.
- То, что в наше время называют преступностью?

Брэд хмыкнул.

- Мне надо посмотреть, что в кузове.
- У нас есть договор, в нем такой осмотр не предусмотрен.
- Договоры меняются.
- От хрена уши!
- Тогда поворачивай оглобли.

Они плохо различали друг друга, в тусклом свете вырисовывались лишь их силуэты.

- Лучше, Брэд, ты с этим не шути.

– А тебе бы надо знать, что это не мои шутки. Я получаю приказы. И мне нужно проверить твой грузовик.

В принципе, большой проблемы это не составляло. Однако и у Люси, и у воинов нашла коса на камень – безопасность на гордость. Какое-то время Люси выжидала, хоть уже знала, что придется уступить.

- Ну ладно. Иди, смотри, хоть там для тебя все равно темный лес.

Внутри он увидел пробирки, мензурки, горелки, штативы для пробирок, встряхиватели, смесители, флюоресцентные лампы, холодильник, койки, папки для бумаг, которых хватило бы для хранения документов небольшого банка, и многочисленные стеллажи, где были расставлены лабораторные стеклянные баночки, а в них что-то напоминавшее цветной бисер.

- Что ты тут затеяла? Хочешь выкупить Манхэттен?
- А ты, Брэд, оказывается, шутник.

– Ты мне лучше объясни, зачем угонять грузовик и брать в заложники шофера – если ты об этом еще не знаешь, тебе предъявлены именно эти обвинения, – чтобы после этого возить в нем бисер? О нас, индейцах, потом из-за этого может пойти дурная слава.

Люк, обошедший вместе с Люси грузовик, все больше помалкивал, предоставляя возможность говорить спутнице. Он все равно в этом ничего не смыслил.

– Это не бисер, – сказала Люси Брэду. – Это таблетки такие. Лекарства.

– Ты что, решила на наркоте бабки делать? Ты меня просто поражаешь.

– Это не наркотики, Брэд, а лекарства. Медицинские препараты.

– Да? Ну что ж, может, и так. Так что же все-таки у тебя на уме?

– Спасение жизней. Я этим занимаюсь из сострадания к людям. Ты же знаешь, многие страдают от болезней.

– Что-то я тебя не пойму.

– Этого от тебя и не требуется, – успокоила его Люси.

Брэд все поглядывал на грузовик, как будто хотел найти хоть какой-то ключик, который мог бы прояснить ситуацию.

– Мне это придется объяснять другим, Люси. А так я не смогу этого сделать. – Люси поняла, что он просит ее о помощи.

– Эти лекарства, Брэд, незаконные. Их пока не разрешают применять. Правительство тянет с выдачей разрешения, откладывает проведение испытаний. Ты ведь индеец, сам отлично знаешь, что такое правительство. Я не могу ждать, когда министр здравоохранения сообразит их разрешить, а люди тем временем будут помирать от СПИДа. Мне надо им помочь прямо теперь. Это хоть ты сможешь объяснить?

Брэд кивнул.

– Думаю, смогу. С этим вроде все ясно.

– Вот ты и постарайся. А воинам тут ловить нечего, курево, которое им причиталось, они уже получили. Можем мы теперь ехать?

– Да, – с неожиданной покорностью ответил Брэд. – Теперь можете ехать, куда вам вздумается.

Люси пошла в кабину согреться, Люк запер заднюю дверцу кузова, потом влез в кабину и устроился рядом с ней, и Брэд махнул им на прощание рукой. Грузовик неспешно покатился по небольшому заснеженному склону между деревьев, чуть скользя колесами по льду и вновь обретая устойчивость там, где колеса катились по голому скальному грунту.

Позже в тот же день, 11 января 1999 г.

На крапчатом горизонте раскинулась впечатляющая панорама Нью-Йорка, окутанная сероватым паром, клубившимся над трубами небоскребов в предзакатной дымке наступавшего дня. Это зрелище показалось путешественникам, только что выехавшим из глухомани лесов северного штата, нереальным, фантастическим.

Люси попросила шофера притормозить у обочины.

– Давай дождемся здесь восхода солнца, – сказала она и чуть позже добавила: – Смотри, Люк, какая красота!

Но Люк решил использовать предоставившуюся возможность, чтобы хоть немного покемарить, и неловко склонился над баранкой.

– Красота? – он потянулся и зевнул.

– Да, я знаю, красоту трудно измерить. Когда мы ехали среди холмов, тоже было очень красиво, но этот вид прекрасен по-своему.

– Он так же красив, как вид безобразной бабы, – высказал свое мнение Люк.

Его точка зрения настолько озадачила Люси, что она даже не пыталась понять, что бы это могло значить.

– Нет, Люк, вид отсюда просто потрясающий.

– Ты имеешь в виду эти дома, закрывающие горизонт?

– Да, и восход солнца, и океан вдаль, и городские огни, которые гаснут и снова загораются, и машины, мчащиеся по мостам. Ну посмотри же, Люк, внимательнее!

– Просто огромное количество домов, и все, – пробурчал он. – А я-то думал, что вы, индейцы, больше любите природу.

– Хочешь сказать, ты нас вычислил, так?

– А ты не взбуйхай. Я сказал, что думал.

Девушка бросила взгляд на водителя. Он видел все не так, как она, хотя с чего бы это им смотреть на мир одними глазами? Он был тяжело болен, и жить ему, скорее всего, осталось недолго. Может быть, уходящие ввысь коробки зданий вызывали у него ассоциации с тюремными стенами, а не с новым миром, который им лишь предстояло узнать. Она еще такая молоденькая, а он – мужчина средних лет, у которого очень мало шансов стать стариком. Она приехала спасать людей от смерти, а Люк понятия не имел, зачем он ее сюда привез. Естественно, что они все видели в разном свете.

– Прости меня, Люк, я не хотела тебя расстроить.

– Со мной все путем.

Она снова сосредоточилась на раскрывавшейся перед ними панораме. Ей захотелось рассказать Люку, почему она так ее привлекала.

– Этот город построил мой народ, – негромко сказала она.

– Нью-Йорк? – недоверчиво спросил Люк. – Индейцы?

Девушка улыбнулась.

– Люди всегда улыбаются при мысли о том, что Манхэттен был продан за бисер. Но эта сделка оказалась не такой уж плохой. Кто, по-твоему, построил все мосты и небоскребы? Могавки. Люди из моей резервации. Одним из них был мой отец. Теперь на этих работах занято еще больше людей, но раньше именно индейцы так ходили по балкам на головокружительной высоте, будто вышли прогуляться по парку. А жить нам в самом Манхэттене было совсем ни к чему.

Люси заметила, что ее слова произвели на Люка впечатление. Теперь он тоже всматривался в контуры города, мысленно следуя ее рассказу.

– Первыми монтажниками-высотниками стали здесь воины могавки. Вот там, на самой верхотуре, над Пятой авеню, глядя вниз на Центральный парк и Бродвей, мужчины из моей резервации говорили о судьбах мира и жизни индейского народа. Эти мужчины решили изменить порядок вещей. Я ничего против воинов не имею. Господь знает, что и в моей груди бьется сердце воина. Они обсуждали вопросы о том, что могло бы случиться со строителями-высотниками, если бы дома не вздымались ввысь. Вот такие вопросы задавали себе первые воины. Я не думаю, что кто-то из них на этой высоте козла забивал. Могу поспорить, что один из этих ребят как-то сказал: «Давайте, сначала подумаем о людях с красной кожей и о том, чтобы они не шли по тропе белых людей». Да, я уверена, что так он и сказал!

Какое-то время они сидели в молчании. Даже Люк, казалось, был потрясен грандиозной картиной восхода солнца над тонувшим в зимнем мареве огромным городом под белесым небом.

– Люси, можно я тебя кое о чем спрошу?

– Валяй.

– Что ты там везешь, в кузове грузовика?

Она чуть склонилась к нему и коснулась его руки.

– Хочешь знать, во что мы вязались?

Люк покачал головой.

– Мне не важно, пять лет мне дадут или десять, просто потому, что жизни на столько лет мне не отпущено. Но мне хотелось бы знать, что именно не так в том, чем я сейчас занимаюсь.

Люси потянулась, чтобы размять затекшие в долгой дороге мышцы.

– Люк, ты увидишь кое-что, чего раньше тебе видеть не доводилось. Некоторые зрелища будут совсем не такими приятными, как то, что сейчас перед нами. Тебе надо быть к этому готовым. Некоторые вещи могут тебя сильно расстроить. Даже тебя, бывшего зэка. Так что давай мы с тобой договоримся, что, если тебе станет невмоготу, просто скажи мне об этом, хорошо? Тогда мы с тобой и потолкуем. А пока – крути баранку.

– Ладно, – согласился Люк, – буду крутить.

– Держи по указателям курс на Парамус в Нью-Джерси. Там и заночуем в мотеле.

Чем ближе они подъезжали к огромному городу и океану, тем более интенсивным становилось движение. Глухой гул городской суеты доходил до предместий, где мчались по улицам машины и громыхали грузовики. Когда они вошли в мотель, на них вылупился высокий клерк. Его форма тела походила на грушу, и он смотрел на них с неприязнью, наверное, потому, что они помешали ему поглощать омлет, который он сам сварганил себе на завтрак.

– Чем я могу вам помочь? – спросил он и закашлялся.

Люси сразу сообразила, что этот малый вовсе не собирался им ничем помогать. У него были отметины на лице, и он походил на многих других обычных людей, таких же людей, как те, кого она приехала сюда спасать, вызволять из безысходной печали, в которую их загнал самый страшный недуг всех времен.

– Да, – сказала она. – Нам нужно две комнаты. Одну для меня, другую для моего спутника.

Клерк покачал головой.

– Горничные в такую рань комнаты не готовят.

– Эта проблема меня не касается, – ответила ему Люси.

– Приходите попозже.

– Или... – Люси не окончила мысль.

– Или что?

– Есть и другой выход из положения.

– Дамочка...

– Две комнаты, – жестко повторила она. – Чистые. Со свежим постельным бельем. Через двадцать минут. Где я должна расписаться?

Должно быть, туристы, подумал мужчина с лютой ненавистью к этим бездельникам.

– Расписаться можете здесь. – Он указал им на карточки проживающих и дал ручку. – Скоро ваши комнаты будут готовы. Я сам наведу в них порядок.

– Совсем другое дело. – Заполнив карточки, она снова бросила на него взгляд. – У меня есть кое-что от этих отметин на вашем лице.

Он только усмехнулся.

– Нет, дамочка, от этих отметин не может быть ничего.

– А у меня, представьте, есть. – Она улыбнулась и взяла ключи. – Мы с вами еще поговорим.

На следующий день рано утром, среда, 12 января 1999 г.

Камилла Шокет жила с дочкой в скромном домике в городке, название которого происходило от раскинувшегося рядом озера Двух Гор. Здесь можно было наслаждаться всеми радостями сельской жизни, а до работы в «Хиллер-Ларджент», расположенной на окраине Монреала, Камилле было легко добираться по скоростному шоссе или на электричке. А если ей

хотелось зимой поехать на озеро половить рыбу или навестить приятелей, с которыми она работала в «БиоЛогике», туда можно было быстро добраться на снегоходе.

Проснувшись посреди ночи, Камилла стала на ощупь искать ночную рубашку, которую скинула в момент страсти. Скоро она ее нашла и через голову натянула на себя кусок мягкой ткани, покрытый рисунком в виноградных кистях с яркими цветами. Потом засунула ноги в тапочки с мягкой стелькой из овечьей шерсти и прошла в ванную, там открыла кран и прямо из него напилась. Каждый раз, просыпаясь ночью от жажды, Камилла давала себе зарок купить увлажнитель воздуха, но почему-то потом про него забывала. Слишком много мыслей вертелось у нее в голове, суета будней докучала до невозможности, а работа, занимавшая почти все ее время, изматывала и опустошала. Все должно измениться, думала она, все обязательно изменится...

Она включила свет и небрежным жестом поправила короткую прическу. Камиллу никогда не считали красавицей, но она всегда старалась за собой следить.

Поскольку она уже все равно встала, надо было зайти в маленькую спальню дочери, проверить, не раскрылась ли она, поправить ей одеяльце. Когда Кэрол спрашивали, сколько ей лет, она говорила, что ей семь лет и три четверти. У нее была привычка сбрасывать с себя во сне одеяло и простыни, но в ту ночь она спала спокойно и не раскрывалась.

Камилла осторожно вынула изо рта дочери большой палец и нежно поцеловала ее.

Вернувшись в спальню, она увидела, что ночной гость проснулся.

– Уходишь? – спросила она.

– Да, мне пора. Если только смогу проснуться.

– Ну что ж, так будет лучше. – Она юркнула под простыню и прижалась к нему всем телом. – Мне бы совсем не хотелось, чтобы Чарли нас здесь с тобой застукал.

Такая предусмотрительность застала Вернера Хонигвакса врасплох.

– Ты что, думаешь, он придет?

Она погладила его по плечу.

– Раньше он всегда сначала звонил. Но кто знает? Что-то всегда случается в первый раз.

– До чего же ты любишь играть с огнем! – подколот ее Хонигвакс.

Ее рука мягко скользнула по телу мужчины, обхватила его обмякший половой член и умелыми движениями стала снова приводить его в боевое положение.

– Интересно, а ты что будешь делать, если сюда нагрянет Чарли со своим пистолетом?

Он хмыкнул.

– Зубы ему постараюсь заговорить.

– И что же ты ему скажешь?

– Скажу ему всю правду.

Такой ответ ее слегка озадачил.

– Какую правду?

– Что делаю ему большое одолжение, избавляя от мучений, на которые его на веки вечные обрекла бы жизнь с тобой.

– Ты неправ, Винер³, – она игриво назвала его своим любимым прозвищем и провела рукой по мошонке. – Если ты это скажешь, он тебя пристрелит на месте. Чарли мне верит.

Разговор и движения ее руки помогли Хонигваксу окончательно прийти в себя.

– А с тобой что сделает наш добрый молодец Чарли?

– Я ему пообещаю сделать то, что ему очень нравится, и он меня пощадит.

– А что ему так сильно нравится?

– Не скажу.

– А мне ты это делала?

³ Wiener (англ.) – сосиска, сарделька. В определенном контексте – половой член в расслабленном состоянии. – Прим. перев.

– Тоже хочешь? Тогда повернись на животик и отклячь задницу.

– И не думай об этом.

Он скинул с себя одеяло. Камилла игриво захихикала. В комнате было холодно, он быстро оделся. Запихивая рубашку в брюки, Хонигвакс спросил:

– Ты скоро уезжаешь в Штаты?

– Через несколько дней. Люси только что начала работу. Я хочу проверить результаты через шесть дней.

Завернувшись в одеяло, Камилла села на кровати на корточки. Ее подбородок и плечи чуть подрагивали, как будто в такт доносившейся издалека мелодии.

– У тебя все готово? Ты ведь не в увеселительную поездку собираешься. Я все-таки думаю, тебе надо взять кого-нибудь с собой.

– Слишком рискованно. Я сама смогу со всем справиться.

– В этот раз все будет по-другому.

– Я все устрою в лучшем виде.

Когда Хонигвакс приехал к ней в тот вечер, он сразу же прошел в спальню, поэтому пальто так там и лежало.

– Я не пойду тебя провожать, Винер, ладно? Вставать очень холодно.

Он подошел к кровати, наклонился и чмокнул ее в щеку.

– Будь здорова, детка.

– Обними от меня жену, ладно? – сказала она с усмешкой.

– А ты передай привет Чарли. Ты мне так и не сказала, чем вы занимаетесь с этим полицейским.

– А ты чем занимаешься со своей женой? – Она прижала к себе подушку, чтобы хоть немного согреться.

– Она заботится о моем доме. О моей семье. Я во многом на нее могу положиться. И нам хорошо вместе.

– И про Чарли я тебе могу сказать то же самое, – ответила Камилла. – Я во многом могу на него положиться. С тобой, Вернер, мы рано или поздно расстанемся. Тогда, может быть, я буду хранить верность этому мальчику. По крайней мере, ее видимость, пока все не сбудется, если ты улавливаешь, что я имею в виду. А когда я получу огромную кучу денег, он мне больше не будет нужен, и я его бортану.

Он снова склонился к ней и поцеловал.

– А что Люси? Она уверена, что мы с тобой уже расстались?

– Я об этом позаботилась. Она думает, что я встречаюсь только с Чарли. И Чарли так же считает. Нас с тобой никто ни в чем не заподозрит.

– Постарайся, Камилла, чтобы в Нью-Йорке все прошло без накладок.

– Не беспокойся, Винер. Я знаю, что там меня ждет. Я с этим справлюсь.

В тот же день, среда, 12 января 1999 г.

Утром они поехали на авеню Амстердам в верхнем Манхэттене. Люк очень неплохо ориентировался в городе, хотя распространяться о том, откуда так хорошо его знает, не хотел.

– Я так понимаю, Колумбийский университет ты не кончал, – сказала Люси.

– Что?

– Не бери в голову. Это шутка такая дурацкая. Ты, наверное, получил образование в спортивной школе. Стипендию там хоть платили?

– Я снова тебя не понял.

То ли утренний кофе был слабоват, то ли Люк совсем не врубался в ее английский, когда она пыталась над ним подшучивать. Люси подумала о том, что это путешествие могло превратиться для них в испытание на способность переносить общество друг друга.

– Прости, Люк. Не обращай внимания.

Когда они доехали до 126-й улицы, Люси с удовольствием обнаружила, что их там не просто ждали – специально для этой цели даже создали приветственный комитет, ответственный за подготовку к их прибытию. Первым их вышел приветствовать худой негр с широкой улыбкой в розовато-оранжевой рубашке и виноградного цвета брюках, причем вид у него по этому случаю был самый что ни на есть торжественный.

– Святая Люси собственной персоной, можно сказать, во плоти, снизошла к нам с облака в большом дурацком грузовике. А рядом с ней – мужественный и достойный водитель. Девушки всегда пытаются нам задурить башку тем, что размер значения не имеет. Покахонтас⁴, детка, какой же у тебя большой грузовик! А о чем свидетельствует тот факт, что твой грузовик такой большой? О том, что для всех вас – чем больше, тем лучше.

– Привет, Вендел! Что у тебя новенького?

– Твоими молитвами, святая Люси, пока держусь. А кто твой замечательный друг?

– Его, Вендел, зовут Люк.

– Люк! Люси! Сладкая парочка! Мне это по душе! Люк, дорогой, очень рад тебя видеть! Давай, заходи, познакомься с ребятами. Тебе придется к нам привыкнуть, приятель, потому что твоей детке Покахонтас хватит с нами возни по самые уши.

Он взял гостей за руки, и они втроем прошли в помещение. Голова Вендела была немного странной продолговатой формы, к макушке она сужалась. Специфика строения его черепа усиливалась прической – с боков волосы были выбриты, а сверху росли прямо вверх, поднимаясь над черепом дюйма на три. Он громко – так, чтобы услышал Люк, – шепнул Люси:

– Он, что, один из наших? Так мне, по крайней мере, кажется, хоть я и не могу понять, насколько это у него серьезно.

– Да, он тоже ВИЧ-инфицированный, – ответила Люси. Она надеялась, что ее признание Люка не обидит.

– Ой ты, господи, горе-то какое! Бедненький ты наш!

– Но он не голубой.

– Тем хуже! Это ж ведь болезнь голубых мальчиков, а тебя угораздило как-то получить только заразу, причем без всякого удовольствия. У меня от этого сердце разрывается!

– Вендел, уймись!

– Ты меня огорчила до невозможности. Осторожно, сладкая моя, здесь ступенька, потому что бетон тут совсем не такой железобетонный!

В квартире их встретил приветственный комитет в полном составе, члены его тоже были рады видеть Люси, но сама встреча прошла спокойнее. Они горевали по тем, кто со времени ее прошлого визита перешел в мир иной, и радовались за тех, чьи жизни она сохранила. Люк стоял в сторонке и наблюдал за происходящим, взволнованный тем, что так много людей почитали Люси как святую. Все собравшиеся хотели к ней прикоснуться, с нежностью дотрагивались до ее рук. Люси, со своей стороны, целовала людей в лоб, крепко жала им руки, многие плакали. Жители этого района рассказывали ей, насколько лучше стала их жизнь: двое человек снова вышли на работу, трое сказали, что симптомы болезни не проявлялись у них уже несколько месяцев.

⁴ Pocahontas (1595–1617) – детское прозвище Ребекки Рольф, дочери вождя одного из индейских племен алгонкинов Поухатана, которая спасла от соплеменников английского колониста Джона Смита, а в 1614 г. вышла замуж за другого английского колониста Джона Рольфа, с которым в 1616 г. приехала в Англию. Широкая известность Покахонтас в Америке объясняется несколькими игровыми и мультипликационными фильмами, снятыми с 1924 по 1995 г., а также вышедшей в 2005 г. видеоигрой. – *Прим. перев.*

- Ты вернула меня к жизни, вселила надежду, вновь наполнила мою жизнь смыслом.
- Ты смелый мужчина, Джек. Ведь сначала ты этого не хотел.
- Я был трусливым зайцем! Но теперь все окупилось сторицей.

Джек всегда был полным мужчиной, но теперь он сильно похудел, кожа его сильно обвисла. Чтобы лучше выглядеть, он надел спортивный костюм, плотно облегающий тело.

- Отлично. Но гарантий я давать никаких не могу. И в прошлый раз, и теперь.

Мужчина поднял руки в знак того, что больше ничего не желает слышать.

– Мы все, Люси, живем как на войне, так ты нам говорила. Если мне от этого не полегчает, со временем будет легче кому-то другому. Но вся прелесть в том, что мне стало лучше!

– Да не морочь ты ей голову, Джек! – оборвал мужчину Вендел. – Мы здесь все надеемся на лучшее. Дай другим к ней подойти!

В комнатах, расположенных по обеим сторонам длинного коридора, ее ждали больные. Они улыбались и с надеждой смотрели на Люси, прислушиваясь к ее словам. Люка чуть наизнанку не выворачивало от вида их обессиленных тел, у одного мужчины кожа казалась истонченной оболочкой, едва прикрывающей кости, потому что плоти на нем почти не осталось. Они невыносимо смердели. Весь дом провонял. Еще разило дезинфекцией, застарелой блевотиной, мочой. У некоторых тела были обезображены открытыми язвами. Эти люди тоже поклонялись Люси, благодарили ее за то, что она сделала для них и их друзей.

– Доктор сказал моему любовнику, что я и недели не протяну. А я, святая Люси, с тех пор здесь уже третий месяц валяюсь. Не самые лучшие для меня месяцы, но все же я еще с вами. Несмотря ни на что, я пока жив.

- Держись, Гарретт. Может быть, в этот раз нам больше повезет, кто знает?

– Да, святая Люси, что бы там дальше ни случилось. Если мне полегчает – хорошо, а если поможет науке – еще лучше. Доктор мой меня спрашивает: «Как это у тебя получается, что ты еще не помер?» Он думает Нобелевскую премию получить, если вычислит, как я еще держусь.

- Но ты ведь держишь рот на замке, правда, Гарретт?

- За семью печатями! Он лишнего словечка из меня не выдавит!

После того как Люси с каждым перекинулась парой слов и еще раз всем напомнила, что никаких обещаний дать не может, она обратилась ко всем, заверив их, что они находятся на переднем крае медицинской науки и плевать они все хотели на всех этих проклятых американских и канадских бюрократов, которые думают только о проволочках и во всем вставляют палки в колеса. Люди кивали головами, негромко ругая ненавистных чиновников. Люси напомнила им, что передовые научные достижения вселяют надежду на выздоровление.

– Как я уже вам говорила, лучше быть подопытным кроликом для испытания новых лекарств, чем медленно умирать, принимая старые. Тот день, когда мы найдем новое средство, настанет на многие месяцы раньше, чем все его смогут свободно купить. Какой же смысл в том, чтобы умереть именно в это время, если мы сможем оказать вам помощь? Для всех вас это значит получить шанс выжить. Да, вы, конечно, рискуете, испытывая на себе новые лекарства и давая нам возможность изучить их действие на деле. Но тем самым вы помогаете нам быстрее двигаться вперед, чтобы вылечить всех больных. Мы быстрее получаем необходимые знания, а знания в нашем деле – залог успеха.

После этой речи тон ее изменился, она стала их доктором.

– Мне нужно, чтобы каждый из вас сдал мне кровь на анализ. Это надо сделать в нашей лаборатории в машине. Сейчас, соблюдая порядок и организованность, – а это значит, что вам надо будет встать в очередь, не толкаться и не бузить, Вендел, – вы по одному будете заходить в грузовик. Это займет какое-то время, и мы будем вам благодарны за проявленное терпение.

– Время? Терпение? – спросил ее Вендел. – Да где ты видишь здесь людей, у которых есть время? Мы тут помираем, Покахонтас, детка! Ты тут все болтаешь, бормочешь, лепечешь, а мы мрем и мрем как мухи. Где нам, детка, взять еще по одной жизни, чтоб узнать о результатах?

– А для тебя, Вендел, у меня припасена особенно длинная игла.

От ее ответа все дружно рассмеялись.

– Вот ты опять говоришь о размере. Больше, хуже, лучше – вы, девочки, только об этом и думаете.

– Ты именно поэтому решил стать одной из нас?

Этот вопрос вызвал в группе «подопытных кроликов» приступ чем-то напоминавших смех стонов. Отдышавшись, они с затаенным дыханием ждали достойного ответа Вендела на сокрушительный удар, который нанесла ему насмешка Люси. Он стоял, уперев руки в боки с видом оскорбленного достоинства, и, казалось, был совершенно сбит с толку.

– Пожалуй, – через какое-то время он пришел в себя, – ты права.

Несомненная победа Люси снова вызвала улыбки на губах умирающих людей, которых она приехала спасать.

Люк добросовестно делал свою работу, состоявшую в том, чтобы надежно закреплять пробирки с кровью и без ошибок заполнять документы на всех пациентов.

– Обращайся с этим очень осторожно, – предупредила его Люси.

– Я теперь понял, почему ты взяла меня с собой. Здоровый человек на такой работе может заразиться.

– Ты прав, – согласилась Люси, – это особенно опасно, если порезаться. Кроме того, Люк, мне нужен был помощник, который не одурел бы от вида этих людей, не боялся бы к ним прикасаться, находиться с ними в одном помещении или дышать одним воздухом.

– Тебе бы тоже надо быть поаккуратнее, – ответил Люк.

– Да, да, – отмахнулась девушка.

– Да нет, ты не поняла. – ответил Люк. – С кровью работай аккуратно.

Ее тронула забота спутника.

– Спасибо, Люк. Постараюсь. И не смотри ты так на меня! Я буду осторожна. А ты давай пойди в машину и принеси мне, пожалуйста, из грузовика черную сумку. – Она наморщила носик. – Сегодня мне нужно быть доктором Люси.

* * *

Вен дел первым протянул ей руку, Люси Габриель осторожно взяла у него кровь на анализ. Она не была дипломированной медсестрой, но научилась и кровь брать, и внутривенно вводить лекарства.

– Люси, ты очень сегодня занята? Найдешь время немного пообщаться?

– Я здесь пока побуду, но в этот раз у меня исключительно деловая поездка. Завтра мне надо быть в Вилладже, а в пятницу – в Ньюарке.

– В Ньюарке! Да ты и вправду святая. Благодарю Бога за то, что у тебя есть телохранитель.

– Я и сама могу за себя постоять.

– Многие так говорят перед смертью. Постучи скорее по дереву!

– С тобой мы закончили, – она взяла пробирку с его кровью. – Прекрасный цвет, Вен дел.

– Я и вампиру такого не пожелаю. Значит, покутить нам с тобой не доведется?

Она чуть заметно покачала головой.

– Слушай, ты не можешь мне сделать одолжение? – Люси рассказала ему о клерке в мотеле в Парамусе, которого звали Эван, и Вендел пообещал с ним связаться.

Чтобы не простудиться в грузовике, она надела серую шерстяную куртку, включила электрообогреватель, подключив его к розетке в доме, для чего ей пришлось протянуть через тротуар длинный провод, и стала заниматься с каждым пациентом по очереди. Она вводила полагающиеся им дозы препаратов, потом каждого спрашивала, на что он жалуется, и определяла новый набор лекарств. Таблетки она делила по размеру, форме и цвету. Для тех, у кого болезнь

имела развернутую клиническую картину и кому не стало легче после ее предыдущего визита, но они остались в живых, она выбирала один режим лечения. Для самых здоровых режим был совсем другой, а тем, у кого наблюдалась побочная симптоматика, приходилось подбирать соответствующие дополнительные средства. Работа была однообразной и утомительной, потому что ей нельзя было ошибиться ни в подборе лекарств, ни в их дозировке. Каждый человек проверял и перепроверял предписанные рецепты, пересчитывал количество красных и синих таблеток, переспрашивал ее, как часто их надо принимать и в какое время суток. Она тщательно выписывала каждый рецепт, и, хотя все пациенты подходили к проблеме с должной серьезностью, она постоянно подчеркивала необходимость дисциплины при лечении. Некоторым она давала больше сорока таблеток, а Вендела, здоровье которого было лучше, чем у многих других, отпустила, дав ему всего семнадцать.

– На две меньше, чем в прошлый раз, – заметил он. – Хотя парочка очень больших.

– А ты запей их глоточком водочки – проскочат как миленькие.

– Камилла после тебя приедет?

– Прямо по пятам, как обычно. Ждите ее где-то через неделю или даже раньше. Она позвонит.

– Когда-нибудь, святая Люси, когда все это кончится и выйдет на свет божий, тебе и впрямь будут поклоняться как святой.

– Мне бы хотелось сделать для вас еще больше.

– Ты и так спасла уже столько людей!

– А вы, согласившись на это, тоже спасаете жизни человеческие.

– Тут ты права. – Он смиренно сложил руки на груди. – Меня тоже в раку потом положат.

А когда-нибудь мой профиль отчеканят на четвертачке. Мне памятники будут ставить, назовут моим именем университеты, улицы, больницы! Как думаешь, а если в мою честь сделают национальный праздник, это не слишком будет?

– Тебе не терпится стать национальным праздником?

– Нет, ты мне честно скажи, что ты об этом думаешь? Это не перебор?

Люси рассмеялась и звонко чмокнула его в лоб.

На обратном пути в Парамус Люк и Люси молчали. Она очень устала, а он пытался переварить то, что увидел за день. Они решили встретиться через часок, чтобы немного прийти в себя, переодеться и хоть несколько минут вздремнуть. Пообедать они собрались в придорожном ресторанчике рядом с мотелем. Люк выбрал бифштекс, а Люси – креветки с макаронами. Она так наговорилась за день, что была рада молчанию Люка.

После обеда Люк проводил Люси в гостиницу, потом пошел в бар, находившийся по соседству. Люси какое-то время смотрела телевизор, потом, когда уже не было сил бороться с усталостью, она выключила его и юркнула под одеяло.

Вечером ей не давал уснуть шум машин. Она так и не смогла заснуть, прислушиваясь к гулу грузовиков, взывшей вдали сирене, бесконечно проносившимся за окнами машинам. Неожиданно раздался стук в дверь. Она посмотрела в глазок, увидела клерка мотеля и впустила его в комнату.

Какое-то время клерк мерил комнату шагами.

– Вообще-то я не знаю, – неуверенно сказал он. – Такого просто не может быть.

Она видела, что он чего-то боится, но девушку это не удивило, потому что разум каждого пациента поначалу восставал против любого лечения, проходившего не в привычных больничных условиях. Но ее пациенты были отчаявшимися людьми, хватавшимися за любую соломинку ради спасения жизни, и потому единственное, что она делала, заключалось в том, чтобы помочь им от отчаяния преодолеть эту бесполезную логику.

– Я не собираюсь вас ни к чему принуждать.

– Я себя так чувствую, будто какой-то шарлатан хочет мне впендюрить целебное снадобье от всех болезней.

– Никаких снадобий, Эван. И еще хочу довести до вашего сведения, что я здесь никому ничего не собираюсь впендюрить. Или вам это недоходчиво растолковали?

Люси показалось, что человек он был желчный, в чем-то даже злой, готовый умереть, грозя кулаком небу. Надежда на продление жизни и возврат здоровья его как будто даже немного расстроила. Он не очень представлял себе, как реагировать на эту новость и как себя вести.

В конце концов мужчина встал, его обрюзгшее грушевидное тело бессильно обмякло, было видно, что он одновременно отказывается поверить в чудо и страстно его желает. Но разве случаются такие чудеса?

– Мне трудно в это поверить, – произнес он.

– Вы же уже пришли сюда, в мою комнату. Дайте слово, что не станете болтать лишнего, Эван, и все изменится.

– Так вы не знахарка, которая лечит притирками и примочками у себя на кухне? Разве не об этом шла речь?

– Я представляю международную фармацевтическую корпорацию с оборотом в миллиарды долларов. То, что мы с вами будем делать в этой комнате, незаконно, и, если кто-нибудь об этом узнает, меня упекут за решетку, не говоря уже о руководстве компании. Мы занимаемся исследованиями, связанными с укреплением иммунной системы. Вы, конечно, можете годика полтора подождать, пока наши средства пройдут апробацию и получат официальное разрешение, хотя, кто знает, доживете ли вы до того времени? Или можно начать лечение вашего недуга прямо сейчас. Уже сегодня. Я устала, Эван. Весь день я спасала людям жизни. Так что вы мне по этому поводу скажете?

Плечи клерка поникли, нижняя губа подрагивала.

– Я согласен, – покорно ответил Эван.

– Хорошо. Тогда мне надо сделать вам анализ крови. Потом я разработаю для вас оптимальный курс лечения. После этого сделаю вам укол, от которого на какое-то время вам станет не по себе. Все сегодня жаловались, что от этого укола становится хуже. А потом я скажу вам, что, когда и сколько надо принимать, и вы должны будете неукоснительно следовать моим указаниям.

– И это все? Я ничего не буду вам должен?

– Когда эти лекарства появятся на рынке, они будут стоить целое состояние. А если вы начнете лечение сейчас, оно навсегда будет для вас бесплатным. Кроме того, это ваш единственный шанс остаться в живых.

Этому мужчине, вынужденному работать в занюханном мотеле, чтобы хоть как-то сводить концы с концами, лишившемуся профессии, надеющемуся хоть ненадолго продлить собственное существование, нужно было какое-то время, чтобы свыкнуться с мыслью о возможности спасения. Ей и раньше часто доводилось такое видеть.

Он сел рядом с девушкой.

– Если бы я не работал в этой зачуханной дыре, мы бы никогда с вами не встретились.

Люси коснулась рукой его плеча.

– Никаких гарантий я вам дать не могу, – сказала она, – но все, кого я лечу, либо стали чувствовать себя лучше, либо, по крайней мере, их состояние не ухудшилось. От вас требуются только две вещи: разрешать моим коллегам вести за вами наблюдение и держать рот на замке.

– Согласен.

– Что вы сейчас принимаете?

Он покачал головой.

– Ничего. У меня ни на что нет денег. И потом, разве это что-нибудь изменит?

Теперь он был совсем не строптивым клерком, каким казался вчера. Люси даже подумала, что Эван вот-вот расплачется.

Она положила его руку себе на колени и протерла кожу смоченным в спирте кусочком ваты.

– Ну ничего, – почти шепотом сказала она. – Вам надо привыкать к мысли о том, что все снова еще может быть хорошо.

– О Господи, – простонал мужчина, из глаз его потекли слезы. – Боже мой...

– Тише, не разбудите других постояльцев. И помните, сначала вы почувствуете слабость, и какое-то время вам будет не по себе. Но это нормально.

– Вот уже год, как я и слабость чувствую, и мне не по себе, но это самое лучшее из всего, что я испытываю.

Он попытался улыбнуться сквозь слезы. Когда она брала у него кровь, мужчину било мелкой дрожью.

– Надо же! – сказал он. – А я-то думал, у меня уже вообще крови не осталось.

На следующий день, четверг, 13 января 1999 г.

– Объясни мне, что к чему, – попросил Люк Сегин.

Фармацевтический набор поражал воображение разнообразием и многоцветьем. Люси улыбнулась.

– Когда мы пересекли границу, Брэд подумал, что я занимаюсь контрабандой бисера и смогу этим опорочить доброе имя индейцев. Он даже не подозревал, что на этот бисер я, пожалуй, смогла бы выкупить весь Манхэттен.

– Ты шутишь?

– Здоровье стоит недешево.

– И что, все они разные?

– Некоторые из этих таблеток – блокаторы, они помогают иммунной системе защищать клетки. Другие обладают сильными противовирусными свойствами. Третьи защищают организм – особенно желудок – от воздействия других средств. Четвертые стимулируют борьбу организма против инородных тел даже тогда, когда их там нет, опять-таки повышая функции иммунной системы. Пятые нормализуют состав крови, увеличивая уровень эритроцитов и улучшая общее состояние больного. Шестые...

– Спасибо, – прервал он ее. – Я понял.

Но она не собиралась останавливаться.

– Видишь эти большие продолговатые пилюли? Они действуют вместе с внутривенными инъекциями, которые я делаю пациентам. Это противовирусное средство, которое еще требует доработки. Оно прекращает действие источника заболевания. Физическая форма вируса трехмерная, с острыми краями. Это средство отыскивает вирус, попадает внутрь, обволакивает его и делает так, что он не может больше себя питать. Видишь, как интересно?

Люк был просто поражен.

Они завтракали в небольшом кафе, примыкающем к мотелю. В этот ранний час там было много торговцев и строителей, работавших по контрактам. Люси взяла себе овсянку с фруктами, а Люк выбрал фирменное блюдо заведения – яичницу из четырех яиц с сосисками. Девушка оделась по-деловому – на ней был розоватый свитер, клетчатая рубашка, бежевые брюки и ковбойские сапоги. Ее немного удивило, что Люк нарядился в прекрасную рубашку оливкового цвета. Ее бы, конечно, было нелишним погладить, но она и без того отлично на нем смотрелась. Заправлена она была в его обычные поношенные джинсы.

– Когда мы достаточно продвинемся в этом направлении, – продолжила объяснение Люси, – мы сможем лечить не только СПИД, но вообще почти все болезни – от менингита до

обычной простуды. Поэтому, как я тебе уже говорила, если мы станем первыми, дело запахнет огромными деньгами. Но для тебя самое главное то, что ты сможешь вылечиться, даже если СПИД проявится у тебя в резко выраженной форме.

– Если проявится? – спросил он.

– Когда проявится, – уточнила Люси. – Одна из проблем, с которой нам пришлось столкнуться, заключается в том, что со временем действие наших препаратов ослабевает. Вирус СПИДа к ним приспосабливается. То, чем мы сейчас занимаемся, называется «интеграза». Это такой фермент, действие которого причиняет много хлопот. Он связывает генетический материал ВИЧ с ДНК большого непосредственно внутри клетки. Ты, Люк, угоняешь грузовики, а интеграза ворует клетки. Только после того, как она это сделает, ВИЧ может начать распространяться в организме с такой большой скоростью. – Она ненадолго смолкла, чтобы дать Люку возможность переварить сказанное. – У нас уже есть ингибиторы протеаз – блокаторы других ферментов ВИЧ, которые называются протеазами и действуют на поздних стадиях размножения вируса. У нас есть азидотимидин и ddI, блокирующие фермент, который называется обратной транскриптазой, действующие на ранних стадиях заболевания. Мы делаем все от нас зависящее, чтобы разработать ингибиторы интегразы и помогать людям на протяжении продолжительной средней стадии болезни. Теперь нам надо найти такое место – совершенно точное место, где мы можем прищучить интегразу, где нам удастся ее остановить, чтобы вообще ее вырубить. Вот, Люк, чем мы занимаемся. Об этом никто не знает. Но мы занимаемся именно этим.

– Здорово. Сейчас я покажу тебе, почему это так здорово.

Люк слегка приподнял рубашку, чтобы показать ей отметины на животе. Люси опустила ложку на тарелку.

– Я про это не знала.

– Раньше я весил на пятьдесят фунтов больше. В тюрьме англичане называли меня Толстомордый. Теперь они бы никогда не дали мне такую кличку.

– Люк, – сказала Люси, склонившись к нему, – давай, я попробую тебя вылечить. Пока еще это, наверное, можно, если болезнь в ранней стадии.

Он отрезал кусок сосиски и положил его в рот. Прожевав и подумав над ее предложением, шофер сказал:

– Ты замечательная девушка, Люси. Я должен тебя защищать.

– Люк...

– Для меня не вопрос, рано это или поздно. Сейчас я себя чувствую вполне сносно.

– Тогда позволь мне уничтожить эту гадость в зародыше.

Какое-то время он пристально на нее смотрел.

– Хорошо. Я дам тебе это сделать.

Он сказал это так, будто хотел сделать ей одолжение, угодить ей.

– Прекрасно, – ответила Люси, возвращаясь к завтраку, – я вылечу тебя, Люк. Если не веришь, просто смотри, что я буду делать.

– Я знаю, что ты это уже делала. Мне еще в жизни не фартило так, как сегодня. Мне никогда не везло. Если я теперь ошибаюсь, надеюсь, что ты права.

– Ладно, Люк, тебе снова не подфартит, если опять станешь мне что-то вроде этого демонстрировать, когда я ем.

Люк сначала усмехнулся, а потом впервые с тех пор, как она с ним познакомилась, рассмеялся.

Глава 6

Под колпаком

Пять дней спустя, вторник, 18 января 1999 г.

При определенных обстоятельствах фармацевтическим компаниям разрешается проверять экспериментальные лекарства на смертельно больных испытуемых. Такое разрешение было дано после распространения СПИДа, поскольку борьба с этим страшным недугом требовала радикальных методов поиска средств, которые могут его одолеть. Однако использовать просто больных людей в качестве подопытных кроликов для проверки действия лекарств, не прошедших апробацию по государственным каналам и недостаточно проверенных на крысах, не говоря уже о людях, категорически запрещалось. Разработка новых медицинских препаратов могла доставить руководителям фармацевтических компаний много головной боли, хлопот и неприятностей. Иногда над производством одного и того же средства работали конкурирующие фирмы, и если какой-то из них удавалось выйти на рынок первой, сопернику было очень легко все потерять. Любой серьезный результат тут же пугал конкурентов, привлекая совершенно излишнее для исследований внимание. Иногда соперники даже покупали экспериментальные средства у испытуемых и с места в карьер пускались в гонку за лидером. С особой тщательностью скрывалось проведение экспериментов над людьми, которых нельзя было отнести к категории смертельно больных. Нечего и говорить, что делалось все возможное, чтобы о таких испытаниях ничего не пронюхали конкуренты.

В силу этих обстоятельств секретные эксперименты с новыми лекарственными препаратами были для Вернера Хонигвакса – президента и генерального директора корпорации «БиоЛогика», единственной возможностью опережения конкурентов. «БиоЛогика» была акционерной компанией открытого типа, и держателей акций надо было постоянно ублажать. Но Хонигваксу совсем не хотелось делиться с ними всеми возможностями наживы, которые предоставляла его компания. Кроме того, он был тайным совладельцем фармацевтической компании «Хиллер-Ларджент Глобал» и имел контрольный пакет ее акций. Он разработал план, который позволял ему держать «БиоЛогику» на плаву и даже взвинчивать ее рыночную цену, но со временем он собирался выпустить на рынок новое лекарство или набор лекарственных препаратов не через «БиоЛогику», а через «Хиллер-Ларджент». Такая комбинация позволила бы ему не делиться невероятными прибылями, которые могли бы составить миллиарды долларов, со «всей этой сволочью», как он обычно называл акционеров «БиоЛогики».

Но провести эту операцию надо было мастерски.

Проблемой, существенно усложнявшей стоявшую перед ним задачу, был не совсем обычный состав инвесторов «БиоЛогики». Хонигвакс начинал свою деятельность как ученый-исследователь, но скоро понял, что без соответствующего финансирования ничего принципиально нового лабораторные исследования дать не смогут. Тогда он сосредоточил все внимание на привлечении средств, при необходимости выбивая правительственные гранты на исследования, которые в сотрудничестве с Рэндалом Ларджентом и Гарри Хиллером помогли ему создать «БиоЛогику». После этого он стал рыть землю, чтобы привлечь частных инвесторов. Банкам трудно было дать оценку разработкам в области биохимии. Они считали его проекты достаточно рискованными, а результаты слишком незначительными. Поскольку его сотрудники занимались самыми передовыми исследованиями, Хонигвакс был одним из первых, кто начал заниматься контрактными исследованиями, проверяя препараты конкурентов на испытуемых, чтобы пускать полученные средства на собственные научные разработки.

Такие исследования давали быстрые деньги, и банки теперь были готовы финансировать его потребности в зданиях и оборудовании, но ему требовалось все больше средств на реализацию более честолюбивых проектов. Он уже включился в гонку, призом которой было несметное богатство, а неудачники исчезали как блики с компьютерных экранов, и скоро о них вообще забывали.

В поисках инвесторов Хонигвакс напал на бездонный непочатый источник финансирования. Он разработал собственные методы участия компании в обороте нелегальных капиталов, контролировавшихся представителями криминальной элиты и их финансовыми советниками. Участие в отмывании грязных денег позволило ему активизировать исследования. Следующим шагом – который одновременно был по достоинству оценен его финансистами и позволил ему еще дальше продвинуть компанию, – стало первичное размещение акций. Доходы от их продажи принесли прибыль его тайным партнерам, дали компании возможность продолжать исследования и позволили отмывать еще большие суммы денег.

Положительной стороной этой операции стало увеличение наличного оборота. Ее отрицательное следствие сводилось к тому, что теперь ему приходилось делить будущие доходы «БиоЛогики» с миллионами акционеров, в число которых входили бандиты. Жестокая банда гангстеров, действовавшая в Квебеке, входила в состав «Ангелов ада». Ее члены промышляли кокаином, марихуаной, проституцией, вымогательством – чем еще, Хонигвакс мог только отдаленно догадываться, – делая на этом миллионы, но главной проблемой гангстеров была легализация огромных сумм наличных денег.

Хонигвакс помогал им решать эту задачу.

Его отношения с бандитами подразумевали их контроль за его деятельностью. Вице-президенты приходили и уходили, причем никто не знал почему, как никто не знал, чем они занимаются на работе. На самом деле именно они представляли интересы преступной группировки. Когда планы Хонигвакса стали претворяться в жизнь и приносить ощутимые плоды, к нему решили прикрепить человека, который в отличие от других имел бы определенный опыт и пользовался авторитетом среди бандитов. Хонигвакс сумел проконтролировать путь, которым Эндрю Стетлер попал в его компанию, – сначала в роли подопытного кролика, а вскоре он стал охранником и внутренним шпионом.

Теперь в его распоряжении были все таланты этого человека. Но сама по себе заслуга в том, что Стетлер вообще появился на горизонте, принадлежала отнюдь не ему. Этот молодой человек был к нему приставлен, чтобы контролировать связи, к поддержке которых он иногда прибегал. Вернеру Хонигваксу нужно было добиться успеха «БиоЛогики» не только для того, чтобы участвовать в колоссальных прибылях, которые сулила биотехнология, но и потому, что ему очень хотелось оставаться в добром здравии и не думать об опасностях, которые могут представлять цепные пилы и подложенная в машины взрывчатка. Таким образом, он был прекрасно осведомлен, что лица, кровно заинтересованные в процветании его компании, плотно держат его под колпаком.

Он попросил секретаршу вызвать к нему Стетлера. Войдя в кабинет, молодой человек плюхнулся в одно из кресел для посетителей, удобно в нем развалился и положил ноги на стол. Хонигвакс не стал делать ему замечания.

– Какие у тебя новости? – спросил его президент компании.

– Люси наконец поехала на юг, но ей нужно больше продукта. По пути у нее произошла заминка. В Гринвич Вилладже оказалось больше пациентов, чем они рассчитывали. Скорее всего, это случилось потому, что кто-то из старых пациентов развязал язык. Неожиданное увеличение числа пациентов привело к тому, что она должна была их повторно осматривать через три дня, и этот добавочный день изменил ей все расписание. Люси связалась с Камиллой Шокет в Монреале, чтобы предупредить всех, кто был задействован в этой операции, но, когда она

наконец выбралась из Гринвич Вилладжа, в Ньюарке все пошло наперекосяк из-за того, что она опоздала на день, и там ей тоже пришлось задержаться дольше, чем было запланировано.

– Что ты думаешь, может, самому ей все отвезти? – спросил Хонигвакс.

– Мне? – Дело было настолько рискованным, что Стетлер немного опешил.

Хонигвакс сел в свое кресло, откинулся на спинку и сцепил пальцы рук на затылке. Он сам себя ненавидел, порой ощущая, что этот зеленый юнец внушает ему страх.

– К тому же это отличный повод съездить туда и на месте посмотреть, как идут дела. Меня тревожат отсрочки. Мне бы совсем не хотелось, чтобы Люси слишком долго торчала в одном месте.

– Я бы мог перехватить ее в Балтиморе.

– Вот и отлично.

– Что-нибудь еще?

– Почему бы тебе не поехать туда через Нью-Йорк? Заодно можно было бы сначала проверить, что там происходит.

– А разве... – хотел было спросить Энди, но внезапно смолк.

– Ты хотел спросить про Камиллу? Да, конечно. Но Камилла... Видишь ли, мне бы хотелось знать и твое мнение, и мнение Камиллы. – Хонигвакс опустил руки, повернулся в кресле к окну и уставился на покрытое льдом озеро за окном. – Ты бы, Энди, там на все сам посмотрел, послушал, что люди говорят. В науке ты не разбираешься, так что, когда вернешься, я сам всем займусь. Это важный шаг, можно сказать, последняя неразгаданная загадка. Мне бы совсем не хотелось, чтобы кто-то знал больше, чем ему полагается. Это относится и к Люси, и к Камилле.

Энди кивнул. Теперь он понимал, почему это задание требует его талантов. То обстоятельство, что Хонигвакс ничего не имел против, чтобы он отсюда на несколько дней убрался и не мозолил ему глаза, Энди особенно не волновало. Здесь и без того все было понятно.

– Пошел паковать шмотки.

– Да, займись этим. А я подготовлю все, что надо Люси.

– Как я переправлю эти дела через границу?

Хонигвакс сделал неопределенный жест рукой, как бы давая понять, что это его не касается.

– У тебя обширные связи. Вот ты этот вопрос и реши.

Энди кивнул. Такой план его не завораживал – ему совсем не светило нарываться на неприятности. Хотя, с другой стороны, перспектива встречи с Люси Габриель была совсем неплохой наградой за выполнение полученного задания.

На следующий день, среда, 19 января 1999 г.

Камилла Шокет шла по слабо освещенному коридору, ей нужно было найти комнату 44. За дверями по телевизорам говорили о последних новостях, разговоры прерывались детскими криками, стены вибрировали от громких звуков музыки. Когда впереди распахнулась дверь, она ускорила шаг – на пороге ее ждал чернокожий мужчина, которого она знала под именем Вендел.

– Слава тебе, Господи, – сказал он.

– Ну, как ты здесь? – спросила она, войдя в помещение.

– Без твоей помощи, Камилла, мне и до постели не добраться, вот такие у меня дела.

Ему мешали передвигаться язвы на ногах, трудно было дышать, сильно кружилась голова.

– Я ответил только потому, что все еще надеюсь, Бога молил, чтоб это была ты.

– Спасибо тебе, Вендел. Постарайся не волноваться, не спеши, расслабься.

Когда она помогала ему лечь в постель, он стонал, а как только лег, чуть не задохнулся от приступа кашля.

– Я умру? – спросил он, когда она его уложила.

– С чего бы это мне дать тебе помереть?

Камилла измерила ему температуру, проверила пульс и кровяное давление, осмотрела язвы на теле, симметрично прорвавшиеся на груди. Потом взяла стетоскоп и стала прослушивать его легкие, забитые слизистой мокротой. Пока Камила убирала инструменты, он тихо пробормотал:

– Мне кажется, новые лекарства не действуют.

– Пока трудно сказать наверняка. Хотя, конечно, чувствуешь ты себя не лучшим образом.

– Я бы тебе, моя милая, предложил что-нибудь выпить, но, честно говоря, нет сил подняться.

– Не беспокойся, Вендел. Не возражаешь, если я здесь с тобой немного посижу? Ты сделаешь мне большое одолжение. Я сегодня так набегалась, что на ногах не стою.

Она села в большое удобное кресло, глядя на лежавшего с закрытыми глазами мужчину. В комнате было полно всякого барахла – на мебели висели парики, по книжным полкам была разбросана косметика, на полу валялись фотографии, как будто живущий здесь человек хотел выместить свою ярость на собственном прошлом или на воспоминаниях о нем. Камила закрыла глаза, чтобы воспользоваться небольшой передышкой, а когда снова их открыла, Вендел слегка похрапывал. Камила бросила на него пристальный взгляд. Когда он через какое-то время пошевелился, женщина сказала ему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.